

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
СЕКЦИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ РАН**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 32

Издается с 1993 г.

**МОСКВА
2 0 1 3**

Литературоведческий журнал

Александр Николюкин

**Литературоведческий
журнал № 32**

«Агентство научных изданий»

2012

УДК 83
ББК 64

Николюкин А. Н.

Литературоведческий журнал № 32 /
А. Н. Николюкин — «Агентство научных изданий»,
2012 — (Литературоведческий журнал)

В журнале публикуются научные статьи по истории отечественной и зарубежной литературы, по теории литературы, а также хроника литературной жизни и библиография по литературоведению. Рукописи представляются в редакцию в печатном и электронном виде. К тексту статьи прилагаются: краткая аннотация на русском и английском языках и список ключевых слов, а также справка об авторе с указанием ученой степени, должности, места работы и контактной информации. Публикуемые рукописи рецензируются. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

УДК 83
ББК 64

© Николюкин А. Н., 2012
© Агентство научных изданий, 2012

Содержание

К 200-летию рождения М.Н. Каткова	5
ВСТУПЛЕНИЕ	5
КАТКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ	6
Н.П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И КАТКОВ: ПУБЛИЦИСТЫ- АНТИПОДЫ В ПОЛОСЕ ВЗАИМНОГО ТЯГОТЕНИЯ	18
ФЕДОР ТЮТЧЕВ И МИХАИЛ КАТКОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1860-х ГОДОВ	28
КАТКОВ КАК МЫСЛИТЕЛЬ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Николюкин

Литературоведческий журнал № 32

К 200-летию рождения М.Н. Каткова

ВСТУПЛЕНИЕ

В советские времена было принято отмечать, «праздновать» юбилеи смерти. 21 января каждого года до начала Великой Отечественной войны вся страна праздновала день смерти В.И. Ленина. Дворцы пионеров проводили особые торжества в черно-алых цветах полотнищ и портретов.

В 1937 г. всенародно праздновали 100-летие гибели Пушкина. Летом 1941 г. готовились торжественно отметить 100-летие смерти Лермонтова, но помешала война. В 1948 г. в Большом театре весьма пышно отмечали 100-летие смерти Белинского, а в 1952 г. к 100-летию смерти Гоголя «советское правительство» (как написано на памятнике) открыло от себя новый памятник великому писателю. Даже иностранных писателей обычно отмечали юбилеи только смерти: 100 лет Байрону в 1924 г., 100 лет Гёте в 1932 г. и т.д.

Не лучше ли чествовать юбилеи рождения? В 1899 г. Россия отмечала 100-летие рождения Пушкина. Потому и мы в 1999 г. праздновали 200-летие рождения поэта. В 2009 г. – 200-летие рождения Гоголя. В 2014 г. будет 200-летие рождения Лермонтова. Право, это как-то человечнее.

Мы готовимся к предстоящему 200-летию рождения великого русского публициста Михаила Никифоровича Каткова, писателя, заведомо исключенного в XX в. из истории русской литературы. Только теперь, в наше время, мы можем по-настоящему осознать, что он значил и что он сделал в свое время. На это нужно время, чтобы прочитать его сочинения и понять его роль в истории, – только что закончилось издание 6-томного Собрания его сочинений.

С 2007 г. в Москве ежегодно в Михайлов день 21 ноября в Храме Всех Святых бывшего Алексеевского монастыря проводятся Катковские чтения. Под руководством настоятеля Храма, члена Союза писателей России протоиерея Артемия Владимирова на чтениях выступают многие писатели, ученые, деятели культуры и религиозных организаций Москвы и Петербурга.

В 2008 г. издательство «Прогресс-Плеяда» выпустило первый «Катковский вестник» (редакторы С.С. Лесневский и Б.Н. Романов), в котором опубликованы доклады на Первых чтениях протоиерея Артемия Владимирова, И.А. Едошиной, А.Н. Николюкина, Ю.В. Климакова, Л.Л. Черниченко, Т.Ф. Прокопова, Джеффри Хоскинга (Лондонский университет), А.А. Ширинянца, Ст. Лесневского, а также статьи М.Н. Каткова о Пушкине и Глинке.

В настоящем номере «Литературоведческого журнала» печатается несколько докладов, прочитанных на Катковских чтениях последних лет.

КАТКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ

А.Н. Николюкин

Аннотация

Катков как редактор журнала «Русский Вестник» и газеты «Московские Ведомости» вел полемику с А.И. Герценом, в результате чего революционная газета Герцена «Колокол» утратила свою притягательность в России.

Ключевые слова: «Русский Вестник», «Московские Ведомости», «Колокол», большевистский переворот, политические экспериментаторы, русский народ.

Nikolukin A.N. Katkov and his contemporaries

Summary. Katkov as the editor-in chief of the journal «Russky Vestnik» and the newspaper «Moskovskie Vedomosti» entered into polemics with A.I. Herzen. After this controversy Herzen's revolutionary newspaper «Kolokol» lost its popularity in Russia.

В здании на Страстном бульваре в Москве, где в XIX в. находилась редакция журнала «Русский Вестник», где печатались знаменитые романы Тургенева, Достоевского, Толстого, Лескова, Писемского, в 1970-е годы располагалось одно из управлений Министерства культуры. Однажды Марго Светлакова, ведавшая там делами театров, пригласила меня с женой (подругой Марго еще с аспирантских времен). Когда мы поднялись на этаж, Марго показала в кабинете большой дубовый стол Михаила Никифоровича Каткова, за которым теперь восседала она, Марго, имевшая право разрешать или запрещать спектакли, в частности в театре на Таганке.

Марго предложила мне сесть за стол Каткова, но такового желания я не испытывал, хотя в Орле в музее писателей-орловцев, где в запаснике хранится стол В.В. Розанова, я с удовольствием сидел, выдвигал все ящики, представляя, как сидел за столом Розанов. От посещения кабинета Каткова у меня в душе осталось некое несоответствие между старым русским журналистом, издателем, крупнейшим человеком своего времени, блестящим русским умом и современным советским чиновничеством по делам культуры, процветавшим в том же доме, буквально за тем же столом.

В 100-летнюю годовщину со дня смерти Каткова 1 августа 1987 г., которого тогда никто не вспоминал, я вместе с женой Светланой Алексеевной Коваленко отправился в Новоалексеевский монастырь на севере Москвы, лежавший тогда в развалинах. Там был похоронен Катков, о котором советская пресса писала когда-то, что он «объединил вокруг себя все темные силы дворянско-помещичьей реакции». Мы не знали места захоронения, но, подойдя к храму Алексия человека Божия, где в советские годы находился читальный зал Архива Москвы и где мне приходилось бывать десятилетиями ранее, мы развесили принесенные цветы на деревьях, поскольку от могил ничего не осталось. Как оказалось потом, это было, действительно, вблизи могилы Михаила Никифоровича, памятник на которой был уничтожен вскоре после революции. Большевики считали, что, воздвигнув мраморный мавзолей, они навечно сохранят славу первого вождя революции, а стертая могила Каткова заставит забыть его. Но у истории свои правила и обычаи. И хотя мавзолей кровавому вождю еще простоит какое-то время, пока живы те поколения, которые поклонялись ему, память великого публициста и мыслителя Каткова важнее для русской мысли, для будущего России, чем преступления прошлого, забывать которые нам тоже не след.

Прошло 20 лет. Россия стала другой. Ее ценности и память изменились. В день именин Каткова – в Михайлов день 21 ноября 2007 г., когда отмечалось 190-летие рождения Миха-

ила Никифоровича, с благословения протоиерея Артемия Владимирова, настоятеля храма Всех Святых, что в Красном Селе, нам удалось организовать ежегодные Катковские чтения в обители, где покоятся останки писателя. Сначала немногочисленные, эти чтения год от года стали привлекать к себе все большее внимание. Уже десятки историков, философов, социологов, литературоведов, писателей принимают в них участие. Издательство «Прогресс-Плеяда» под руководством С.С. Лесневского выпустило сборник «Катковские чтения». Имя и дела писателя ожили и возродились. Стал вопрос о восстановлении памятника на могиле.

Неисследованными остаются многие стороны деятельности Каткова, в частности переводческая работа. Известно, что он переводил Фенимора Купера, Генриха Гейне, Гёте, Рюккерта. Известно, что он первый в 1841 г. издал свой перевод трагедии Шекспира «Ромео и Юлия», как он назвал ее. При этом его перевод гораздо точнее, чем кастрированный в эротических местах перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник, печатаемый и поныне. Но едва ли кто-либо слышал, что Катков первый опубликовал в редактировавшейся им газете «Московские Ведомости» (1853. 14–19 февраля) перевод (с французского) отрывков из неизвестного тогда у нас романа Г. Мелвилла «Моби Дик» (под названием «Китовая ловля»). А уже в следующем году в журнале «Пантеон» (1854. № 3) появилась единственная в русской журналистике XIX в. анонимная заметка «Герман Мельвиль (североамериканский писатель)», к возникновению которой, возможно, причастен Катков.

Историческая роль М.Н. Каткова определяется прежде всего тем, что он первый во время реформ 1860-х годов выступил с критикой антирусских тенденций в писаниях Герцена в «Колоколе» и нигилистов-революционеров, обосновавшихся в журнале «Современник». В статье в журнале «Современная Летопись» 16 мая 1862 г. Катков называет Герцена «свободным артистом», который «серьезно воображает себя представителем русского народа, распорядителем его владений, и действительно вербует себе приверженцев, во всех уголках Русского царства, и сам сидя в безопасности, за спиною лондонского полисмена, для своего развлечения высылает их на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью, да еще не велит “сбивать их с толку” и “не говорить ему под руку”?».

6 июня 1862 г. Катков пишет в «Современной Летописи» статью, еще не называя имени Герцена, которое находилось под цензурным запретом. Катков иносказательно полемизирует с Герценом и его сторонниками, которых он именует «заграничными беженцами»: «Наши заграничные *refugiés* (мы хорошо знаем, что это за люди) находят, что Европа отжила свое время, что революции не удаются в ней, что в ней есть много всякого хлама, препятствующего прогрессу, как например: наука, цивилизация, свобода, права собственности и личности, – и вот они вызымали благую мысль избрать театром для своих экспериментов Россию, где, по их мнению, этих препятствий нет или где они недостаточно сильны, чтобы оказать успешный отпор. Они пишут и доказывают, что Россия есть обетованная страна коммунизма, что она позволит делать с собою что угодно, что она стерпит всё, что оказалось нестерпимым для всех человеческих цивилизаций. Они уверены, что на нее можно излить полный фиал всех безумств и всех глупостей, всей мертвечины и всех отседов, которые скоп-лялись в разных местах и отовсюду выброшены, что для такой операции время теперь благоприятно и что не надобно только затрудняться в выборе средств. Все эти прелести с разными гримасами появились в русских заграничных листках, – все оне воспроизводятся и развиваются в подметных прокламациях, которые появляются в самой России и которые были бы невозможны нигде, кроме России».

Действительно, такой «полный фиал всех безумств», какой произошел в результате большевистского переворота 1917 г. и «всей мертвечины» в буквальном смысле за годы советской власти, случился именно в России. Народ «позволил делать с собою что угодно» и стерпел в течение семи десятилетий то, что «было бы невозможно нигде, кроме России». Поистине, «терпением изумляющий народ», как сказал поэт. Выходит, все предупреждения

Каткова оказались втуне, и политические экспериментаторы, маня сияющими вершинами коммунизма, сумели сотворить в России то, что хотели. Россия не вняла словам Каткова и поплатилась своей горькой судьбой в XX столетии. Как писал М. Пришвин в недавно опубликованном дневнике 9 октября 1937 г., у нас получился «народ, плененный своим собственным правительством».

В «Русском Вестнике» (1862. Июнь; номер вышел в июле), игнорируя цензурные запреты, Катков прямо обратился к Герцену в статье «Заметка для издателя “Колокола”» и дал оценку его выступлений в «Колоколе» с точки зрения интересов России. Пытаясь надеть на себя маску руководителя национально-освободительной борьбы, наподобие Дж. Мадзини и Л. Кошута, Герцен захотел стать «генералом от революции». Однако, пишет Катков, «родина его не разделена и не находится под иноземным политическим игом; тяжкая и трудная история создала ее великим цельным организмом; русский народ, один из всех славянских, достиг политического могущества и стал великой державой; благодаря ему славянское племя не исчезло из истории... Государственное единство есть благо, которым русский народ дорожит и должен дорожить, если не хочет обратить в ничто дело тяжкого тысячелетия и исчезнуть с лица земли. Это основа его национального бытия, купленная дорогой ценой, и он должен крепко держаться ее, и он крепко ее держится».

Лишенный «всякой ответственности, ничем не рискуя», Герцен «издали поджигает человеческие страсти». Предвосхищая за полвека большевистские идеи «всемирной революции», он нашел себе понимание и поддержку у идеологов большевизма. И хотя лозунг «мировой революции» был снят большевиками после поражений 1920-х годов, симпатии советских коммунистов к наследию Герцена оставались неизменными все годы.

Герцен, пишет Катков, проповедовал «кровавые реформы». Вспоминая прокламацию, распространявшуюся в Москве и Петербурге под названием «Молодая Россия», Катков приводит «содержание этого безобразного изделия наших революционеров», требовавших «ни более ни менее как признать несуществующим Бога, затем уничтожить брак и семейство, уничтожить право собственности, открыть общественные мастерские и общественные лавки, достигнуть всего этого путем самого обильного кровопускания, какого еще никогда не бывало, и забрать крепко власть в свои руки».

Читая такое, думаешь, будто листаешь воспоминания человека, уже пережившего ужасы первых лет господства большевиков. То ли еще было в период оккупации России большевистской мафией! Такая программа «обильного кровопускания» и легла в основу теории ленинизма с ее лозунгом «диктатура пролетариата», означавшим на деле уничтожение всех сословий в России, кроме партийного и околопартийного. Понятие классов, заменившее прежнее представление о сословиях, было использовано «ради революционной целесообразности» для уничтожения всех классов, не отвечавших представлению о «советском обществе».

Писатель Н.М. Павлов рассказал со слов очевидца, как Герцен получил в Лондоне и прочитал статью Каткова в «Русском Вестнике». Взяв из рук Огарёва только что полученный журнал, Герцен предложил прочитать текст вслух. «Это обращение, как нельзя более, понравилось всем, — повествует очевидец, — смеялись, радовались, просили читать. Он начал. Статья, действительно, была им прочитана вслух, от начала до конца. По мере того как он читал, всему обществу делалось все неловче и неловче, а особенно против того игривого настроения духа, с которым приступили к чтению. В начале еще — Герцен то и дело вставлял от себя отрывочные заметки, иногда очень ловко и остроумно, так что даже все смеялись. Но чем дальше, тем Герцен становился тише, наконец и вовсе ничего не прибавлял от себя; чтение становилось все тяжелее как для него, так и для всех. Вторая половина была уже прочтена мрачно и выслушана в молчании: уж никто и из слушателей не вставлял от себя никаких замечаний — хоть бы полусловом. Слушатели не знали, как и досидеть до конца чтения, а

чтец, очевидно, не знал, как и дочитать. Когда Герцен кончил, в комнате воцарилась гробовая тишина, – тут уж окончательно стало неловко до немоготы. Герцен закрыл книгу и также ничего не говорил; его собственное и такое долгое молчание еще более сконфузило всех. Наконец он сказал: “Можно ли так ругаться? Как это терпится такая ругательная литература? Это просто ругательство. На это и отвечать с моей стороны нечего: это ругательство”. Вечер, начавшийся, было, весьма оживленно, кончился, таким образом, как-то неудачно. После того мы скоро взяли за шляпы и разошлись»¹.

О восприятии статьи Каткова русским обществом рассказал священник И. Фудель: «В “Заметке для издателя «Колокола»» русские читатели увидели в обнаженном виде не только Герцена, но и *самих себя*, потому что заметка, нанося удар пропаганде Герцена, наносила удар и тому хамскому настроению русского общества, которое делало возможным и питало эту пропаганду. Очень понятно, как эта статья Каткова могла быть принята обществом; яркая правда статьи не могла быть опровергнута, но эта же правда была для большинства очень *горькой* правдой. Все переконфузились, а когда первое впечатление прошло, стали искать мотивов для осуждения виновника конфуза. Так мы объясняем себе ту загадку, что правдивая “Заметка” Каткова никому в то время не понравилась»².

Катков глубже, чем кто-либо в то время, понял суть грядущего «коммунизма» и пытался бороться с этой идеей, хотя русская «передовая» интеллигенция была склонна прислушиваться к голосам Герцена и иже с ним. Тем не менее выступление Каткова сыграли на время свою отрезвляющую роль. Как вспоминал один из современников, после статей Каткова «лондонский кошмар исчез. Оставался тот же Герцен, печатался тот же “Колокол”, но значение его было утрачено – его не читали»³. Так Каткову удалось «заткнуть рот» пусто-звонству Герцена в «Колоколе».

Много лет спустя, после 100-летнего юбилея Герцена, восторженно отмечавшегося либеральной Россией, В.В. Розанов в статье «Из судеб русской литературы и общественности» противопоставил Герцену Каткова, на котором и оборвалась его слава: «Герцен добровольно, *sua sponte*, уступил свое место “влиятельного человека” влиятельного ума и советчика – Каткову, с необозримыми последствиями сей “пересадки” для России... Самолюбие, переходящее в мелкое тщеславие, требовало у Герцена, чтобы он был непременно в “оппозиции” правительству, даже когда оно работало над великими реформациями».

Более восьми статей в «Колоколе» Герцен посвятил полемике с Катковым. Стремясь к разрушению существующей России, ее государственной власти и сложившихся форм жизни, Герцен не брезговал самыми резкими выражениями. Так, в связи с возобновлением 25 июня 1866 г. издания «Московских Ведомостей» Герцен пишет статью «Катков и Государь», которую начинает с изысканных словес, присущих этому демократу-разрушителю: «Не справился государь без Каткова и снова приставил его к тем шлюзам московской клоаки, из которой четыре года была ключом грязь и нечистота, заражающая всю Россию». По существу, самые неотразимые слова для характеристики десятилетней деятельности герценовского «Колокола» и ее пагубных результатов. Понадобилось полтора столетия, чтобы осознать это в полной мере. Хотя и поныне, возможно, сохранились приверженцы иллюзий, приведших Россию к катастрофе и преступлению 1917 г.

Современник Каткова государственный деятель и мемуарист Е.М. Феоктистов вспоминал: «Катков, роль которого в событиях 1863 и 1864 гг. представляла великое и еще небывалое у нас зрелище. Это был первый пример в России, чтобы человек без связей и покровительства, единственно силой своего таланта и горячего убеждения приобрел неслыханную

¹ Павлов Н.М. Полемика Каткова с Герценом // Русское Обозрение. – 1895. – № 5. – С. 323.

² Русское Обозрение. – 1895. – № 6. – С. 904.

³ Русский Вестник. – 1897. – № 8. – С. 6.

диктатуру над умами. Кто пережил это время, тот никогда его не забудет. Отрадно было видеть, как под влиянием громовых статей “Московских Ведомостей” рассеивался малопомалу хаос в понятиях общества и как проникалось оно сознательным участием к своим интересам. О Каткове можно без преувеличения сказать, что он создал здоровое общественное мнение; у него был целый сонм пламенных приверженцев, которые чуть не клялись его именем, и множество иступленных врагов, которым хотелось бы стереть его с лица земли. Правительство боялось его и вместе с тем заискивало перед ним. Несмотря ни на какие препятствия, он смело шел вперед, и тщетно тупоумная цензура пыталась остановить его. “Московские Ведомости” читались нарасхват, имя его гремело по всей России, едва ли кто после Пушкина пользовался такою славой»⁴.

В статье «Ответ на книгу Шедо-Ферроти» (Московские Ведомости. 1864. 5, 6 сентября) Катков рассказал, как польские повстанцы 1863 г. использовали имя Герцена в своих целях. «Герценом пользовались многие», – пишет он и приводит факты, как плодили «герценистов» в интересах польского мятежа: «Плодить их было выгодно в интересах всякого дела, имеющего целью раздробить русское государство и отнять его у русского народа».

Парижскую коммуну Катков оценил по достоинству. 14 мая 1871 г., еще в дни террора коммунаров в Париже, он писал: «Каким образом в продолжение целых двух месяцев могла держаться во главе двухмиллионного города горсть людей, большею частью невежественных и бездарных, самовольно распоряжаясь жизнью и имуществом? Как в целой Франции не нашлось сил, чтобы мгновенно положить конец этому дикому безобразию?». Памятные слова, которые можно было бы повторить после расстрела большевиками мирной демонстрации в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 г.

Даже М. Горький, сравнивая 9 января 1905 г. с расстрелом 5 января 1918 г., писал о большевистской лжи в газете «Правда», утверждавшей, что демонстрация была организована буржуями: «5 января расстреливали рабочих Петрограда, безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы»⁵.

Сходным образом оценил Парижскую коммуну и Ф.М. Достоевский. В письме к Н.Н. Страхову в последние дни Парижской коммуны 18 (30) мая 1871 г. он писал: «Пожар Парижа есть чудовищность: “Не удалось, так погибай мир, ибо коммуна выше счастья мира и Франции”. Но ведь им (да и многим) не кажется чудовищностью это бешенство, а напротив, *красотою*».

После убийства императора Александра II Катков писал: «Изменническая крамола в полном разгаре» (Московские Ведомости. 1881. 20 мая). Россия стала средоточием политического террора. Всякого рода халтурины, желябовы, софьи перовские в мужском или женском обличи захлестнули страну, трагические отголоски чего мы переживаем и в наше время. После того как Александра Ульянова повесили за попытку покушения на императора, его младший брат Владимир Ульянов (Ленин) заявил: «Мы пойдем другим путем», т.е. путем не индивидуального, а массового террора. Этот бесславный путь массовых убийств партия ленинцев-большевиков начала осуществлять сразу же с кровавого расстрела 5 января 1918 г. демонстрации молодежи в поддержку Учредительного собрания – одного из первых в ряду бесчисленных злодеяний большевистской партии. Коммунисты очень любили чтить память жертв 9 января 1905 г., даже установили поначалу памятный день, совмещавший дату смерти Ленина с 9 (22 по новому стилю) января. Однако никогда их горе-историки не вспоминали кровавый расстрел 5 января 1918 г. на Литейном проспекте Петрограда.

⁴ Феоктистов Е. За кулисами политики и литературы. – М., 1991. – С. 143 – 144.

⁵ Горький М. Несвоевременные мысли. – М., 1990. – С. 232.

Катков вместе с созидателями России противостоял силам разрушителей родной страны, которые восходят к именам Герцена и Чернышевского, а завершаются командой Ленина и его подельников по уничтожению государственного строя России, всего того, что произошло после 1917 г.

Новые поколения террористов-националистов выступают против России и ее граждан. Ну что ж, всякое зло приносит рано или поздно свои плоды. В этом тоже один из уроков большевистской истории XX столетия, истории XIX в., преподанный нам Катковым. Жаль только, как всегда бывало в истории, уроки ничему не учат.

Через десятилетия критику наследия Герцена продолжил В.В. Розанов, со всем блеском своего публицистического таланта показав легковесность «вечно топырящегося Герцена». Даже не разделяя убеждений Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Розанов ценил их как «вечных работников» на ниве отечества. Герцен-эмигрант не мог вызвать у него таких чувств. В первое время по выезде из России Герцен еще мог создавать «преlestную литературу». Но писатель не может жить без родины, и это трагическим образом сказалось на судьбе Герцена.

Главный упрек Герцену – он занимался не «делом», в то время как в 1860-е годы вся Россия кипела в работе, деятельности. Он «напустил целую реку фраз в Россию, воображая, что это “политика” и “история”...», – писал Розанов в «Опавших листьях». Он говорил, что Герцен «основатель политического пустозвонства в России. Оно состоит из двух вещей: 1) “я страдаю”, и 2) когда это доказано – мели какой угодно вздор, все будет “политика”. Так как все гимназисты страдают у нас от лени и строгости учителей, то с Герцена началось, что после него всякий гимназист есть “политик”, и гимназисты делают политику».

Так Герцена воспринимали среди молодежи уже после Каткова. Он был кумир, перед которым все блекло для молодых либералов и радикалов. «Все учение Герцена, вся его обаятельная публицистика – были игрою юности, без серебряных старческих волос. Он восстал против великой исторической России, не низкой, а благородной, не расслабленной, а могущественной, – восстал легкомысленно, как новорожденный Аполлон, у которого кудри по плеча, и все на него молятся, но нельзя забыть, что ему 17 лет. Великолепие – да, но мудрости – ни на грош» (Розанов В. Из прошлого нашей литературы // Новое Время. 1912. 18 сент.). У Розанова всегда один критерий оценки заслуг писателя – его роль в упрочении России и ее духовной мощи. Нигилисты, революционеры подрывали силы великой исторической России и в конце концов разрушили ее. Такое отношение к своей стране было чуждо и неприемлемо для Каткова и Розанова.

Сопоставляя славянофилов и западников, Розанов говорит, что от И.В. Киреевского пошли русские одиночки, а от Герцена – русская «общественность». В марте 1912 г. отмечалось 100-летие рождения Герцена. Розанов написал воспоминания «Герцен и 60-е годы», однако статью сняли с набора в «Новом Времени». Розанов говорил, что Герцен подготовил подъем 60-х годов, а с другой стороны, утверждал, что «в Герцене, собственно, не зародилась, а погибла русская революция». «Вся Русь поняла и сразу оценила стих Добролюбова», – писал Розанов о строках

«Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен,
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен».

«Вот таких... строк во “всем” Герцене нет, – продолжает Розанов. – На “родное” породному и отозвались. Вся Русь откликнулась на стих Добролюбова; больше: она вся встала перед ним»⁶.

Когда в Петербурге на людном собрании «Общества в память Герцена» после чтений о нем «корифеев петербургского либерализма», Розанов заговорил «и о Добролюбова», то был остановлен пренебрежительным замечанием: «Ну можно ли сравнивать Добролюбова с Герценом... Добролюбов же был совсем не образован. А Герцен – европейский ум. Да и какой талант, – разнообразие талантов!».

Да, замечает Розанов, Добролюбов и Киреевский были беднее Герцена, но в каком-то одном и чрезвычайно важном отношении они были и неизмеримо даровитее его. «Ключ и Киреевского, и Добролюбова бил из глубины земли... Бил и не истощался, и поил многих и многих... Это – любовь к родной земле, к дальней околице, к деревенской песне... Капля крови, общая с народом у них, у обоих была».

Тогда же Розанов записал строки, вошедшие затем в «Опавшие листья»: «Базар. Целый базар в одном человеке. Вот – Герцен. Оттого так много написал: но ни над одной страницей не впадет в задумчивость читатель, не заплачет девушка. Не заплачет, не замечается и даже не вздохнет. Как это бедно. Герцен и богач и бедняк».

* * *

В одной из статей 1897 г. В.В. Розанов дал развернутую характеристику Каткова: «Дивный мастер слова, великий Антей, знавший тайну прикосновения к матери-земле, Катков из нее почерпал силу и у нее же подслушал лучшие свои слова; но земля всегда есть земля, и она совершенно не могла научить его тем утонченностям умственных концепций, где открываются истинные основания консерватизма (как равно и противоположных течений) и самые далекие его заключения. Оттого невозможно даже политическую часть идей Каткова свести ни в какую систему; от этого его требования классической системы в образовании имеют перед собою элементарные и наивные аргументы; он весь, во всем своем мышлении, есть ряд афоризмов, то прекрасных, то ребяческих, всегда чистосердечных, но иногда аляповатых»⁷.

Через десять лет после смерти М.Н. Каткова В. Розанов выступил со статьей «О постановке памятника М.Н. Каткову» (газета «Мировые Отклики». 1897. 25 июля), в которой сообщал: «В печати заговорили о постановке памятника Каткову. В добрый час!.. Катков давно стал знаменем, символом известных стремлений. Соединим их в одно: он есть символ всего центростремительного в нашей земле, устремляющегося к центру, к сосредоточению, – в противовес иным центробежным силам, также обильно развитым в нашей земле, – силам, разбегающимся от центра к периферии, стремящимся разорвать целостность нашего сознания, целостность истории нашей, наконец, целостность нашей территории».

При этом Розанов рассматривает деятельность Каткова как часть общего движения в русской культуре и литературе того времени: «Катков был не один; в стороне от него, во многих частных вопросах расходясь с ним, но сходясь во всем главном, говорили Н.Я. Данилевский, автор “России и Европы”, Н.П. Гиляров-Платонов, И.С. Аксаков и только теперь начинающий получать себе истинную оценку К.Н. Леонтьев, автор сборника политических статей “Восток, Россия и Славянство” и нескольких замечательных брошюр».

Столетие назад Розанов сумел обозначить проблему, которая остается животрепещущей и в наше так называемое «постсоветское время»: «Много людей, в частности много их

⁶ Розанов В. И.В. Киреевский и Герцен // Новое Время. – 1911. – 12 февр.

⁷ Розанов В.В. Собр. соч. Эстетическое понимание истории. – М.; СПб., 2009. – С. 579.

в литературе, которым претит идея единства и целостности, да и всякого вообще величия России. Эти бедные люди, эти слабые умы и не подозревают, до какой степени мало свободы и самостоятельности в их мышлении. Они все – официозы, но одной и дурной стороны нового правительственного механизма у нас, под именем то “западников”, то “либералов”, они развивают одну слабую сторону в реформе Петра Великого: этот жест презрения к старине, который невольно вырвался у Великого Преобразователя России рядом с гигантскою работою ее укрепления и возвеличивания».

В том же 1897 г. Розанов начинает свою статью «О гимназической реформе семидесятых годов» (Новое Время. 1897. 5 авг.) с характеристики вклада Каткова в дело образования в России: «Десять лет, истекшие со времени смерти Каткова... дают нам повод остановиться на главном практическом деле, которое связывается с его памятью, системе классического у нас образования. Он не был ее организатором: едва ли он знал все подробности, с какими она осуществлялась у нас. Но, ссылаясь на примеры Англии и Германии, он если и не убедил всех, то заставил всех, от кого зависело практическое разрешение вопроса, поверить, что классицизм есть единственное для России средство стать умственно независимую страной, стать равною среди равных в семье просвещенных европейских наций. Он дал этой системе победу как идее, как принципу – в противовес системе утилитарного, практического обучения».

Розанов ценил Каткова как «страстного консерватора», каким он стал с 1863 г. Но вместе с тем считал, что консерватизм не приспособился к условиям российского общества. «Весь наш консерватизм есть какие-то ископаемые допотопные чудовища, – считал Розанов, – совершенно не приспособленные к условиям новейшего существования... И посему вымирающие...

“Вымирающее” – Катков.

“Вымирающее” – Кон. Леонтьев.

“Вымирающее” – Ап. Григорьев и Н. Страхов.

Что же “не вымирающее”? Владимир Набоков <отец>, Оль-д'Ор, Кондурушкин. Эти “приспособлены к условиям существования”. Мелкая река и мелкая рыбка.

Боже мой, все мелеет. Вот ужас. Это не исторический переворот, это космологический переворот» («Сахарна». 17 ноября 1913).

Осенью того же юбилейного года Розанов написал большую полемическую статью «Катков “как государственный человек”», вошедшую затем в его книгу «Литературные очерки» (1899), в которой не соглашался с хвалебной статьей В.А. Грингмута, ставшего редактором «Московских Ведомостей» – газеты, которую много лет до самой смерти редактировал Катков. Розанов отметил «мечтательность ума, неопытность сердца, незнание действительности» у Каткова, с которым был знаком. Возражая против неумеренных похвал Грингмута, Розанов закончил свою статью, как всегда, многозначно: «Вот, мы, “искренно уповая”, как и г. Грингмут, “на Бога”, окончили анализ “идеала” и определили “великое” как малое, поставив на место его кой-что “малое”, но что и для Бога, а главное – для самих людей, есть истинно “великое”, оплакиваемое и возлюбленное».

Чтобы закончить с 10-летней годовщиной смерти Каткова, следует напомнить, что еще в 1891 г. Розанов направил в «Московские Ведомости» статью о необходимости сооружения памятника Каткову. Однако по поручению газеты Ю.Н. Говоруха-Отрок вернул ему рукопись, сообщив, что «Из агитации, направленной на сооружение памятника Каткову, кроме скандала, ничего не выйдет» (письмо Говорухи-Отрока к Розанову 13 октября 1891 г.).

В своей оставшейся неопубликованной при жизни книге «Мимолетное» Розанов дал 27 февраля 1914 г. характеристику роли и значения Каткова в русской журналистике: «... смертная часть Каткова в том, что он *никому не был дорог*...

“Нужен” – да; “полезен” – да; “великие таланты ума и пера” – да! да! и да!

“Великий стиль”: – о, конечно, *да*.

И все эти вещи не образовали даже крупницы бессмертия потому, что как *лицо* и *лицу* он никому не был дорог...

И он всеми забыт и никем не оплакиваем. А был великий человек...

В сущности, у русских это был единственный оратор “в пере”. Как известно, лично и конкретно он плохо говорил. Но он врожденно что бы ни делал, ни говорил, ни думал “про себя” – делал и говорил и думал ораторски. Он был внутренне весь оратор – сидя у себя в редакторском кабинете один, за лампой с зеленым абажуром... Если газетам для чего-нибудь стоило родиться, то только для Каткова, т.е. чтобы мог осуществиться Катков. Ибо Катков *лично*, но *на кафедре* утратил бы целомудрие и уже не был тем, чем ему удалось или посчастливилось быть: оратором, который не видит вовсе толпы, оратором без “публики”, которая глазами и аплодисментами съедает оратора и обращает его в мусор и ничто.

Катков – один у нас. И, м. б., *он ни у кого* не повторится. Место его, без всякого умаления, возле плеча Демосфена, и неизмеримо выше, нежели место Цицерона и, может быть, Питта. В нем было настоящее величие ума, характера и всей фигуры, он был постоянно серьезен.

Шутки, даже улыбки, – нельзя себе представить у Каткова».

16 июля 1914 г. Розанов в «Мимолетном» продолжает характеристику Каткова: «В Каткове было нечто непереносимо сухое. Помилуйте, – о человеке нельзя рассказать никакого анекдота: что же это за человек? Ни одного приключения – ни любовного, и никакого. Томительность – пустынная...

Я даже не понимаю, как будет введена глава “О Каткове” в “Историю русской словесности”. Нельзя вообразить, представить.

Не в этом ли суть, что взор Каткова был фиксирован на правительстве, а не на душе человеческой.

А ведь “правительства” – так преходящи... Ужасная участь. А все оттого, что без анекдота. Без веселости, без “физиогномии”. Маска – ужасная маска, гипсовая маска. И она рассыпалась».

Для Розанова всегда оставались живы университетские впечатления об имени Каткова (запись 31 августа 1915): «Конечно, нет в России грамотного человека, который при имени “Катков” выразил бы на лице недоумение, незнание.

ИМЯ

его есть

ГРОМ

И доселе. Но какой-то глухой, странный, особенный и безличный.

“Безличный?” – Да. Это – явление, событие, громадной величины и силы. “Но никто не запомнит лица”...

Катков говорил царям, правительствам – и те его слушали, ненавидимые им (Германия), боялись. Во всяком случае “слово Каткова” всех тревожило, смущало...

Помню в университете впечатление: профессору, чуть ли не Троицкому, пришлось упомянуть имя “Катков”... “Напр., тот-то, тот-то, Катков и еще другие”. Мы, студенты, все вздрогнули. И я подумал:

– Его никто не видел.

Он был мифом, “богом” и горою уже в свое время. Он был современником нам, “его никто никогда не видел”. Это-то и сообщало ему таинственность, что он наполнял собою улицы, говоры, газеты, журналы; и не было человека, который бы сказал: “Шел туда-то и встретил Каткова”, “был на вокзале – и увидел, как прошел к вагону Катков”.

“Прошел к вагону” слишком по-человечески: а Катков был “не человек”.

Гора.

Огромная.

Гремит. Все слышат. Лица никто не видит.

Удивительно. Но никто не рыдает. Не плачет.

Не вспоминает.

Горько.

Горько и страшно».

В статье «Суворин и Катков» (11 марта 1916) Розанов определил историческую роль Каткова: «Катков создал государственную печать в России и был руководителем газеты, которая, стоя и держась совершенно независимо от правительства, говорила от лица русского правительства в его идеале, в его умопостигаемом представлении».

Все опиралось на «золотое перо» Каткова. «В чем же лежала сущность этого пера? Нельзя сказать, чтобы Катков был гениален, но перо его было истинно гениально. “Перо” Каткова было больше Каткова и умнее Каткова. Он мог в лучшую минуту сказать единственное слово, – слово, которое в напряжении, силе и красоте своей уже было фактом, т.е. моментально и неодолимо родило из себя факты и вереницы фактов. Катков – иногда, изредка – говорил как бы “указами”: его слово “указывало” и “приказывало”. “Оставалось переписать”... – и часто министры, подавленные словом его, “переписывали” его передовицы в министерских распоряжениях и т.д. Что-то царственное; и Катков был истинный царь слова. Если бы в уровень с ним стоял ум его – он был бы великий человек. Но этого не было. Ум, зоркость, дальновидность Каткова – были гораздо слабее его слова».

А через полгода, 14 октября 1916 г. Розанов называет Каткова «Петром Великим газетного слова». Такое многого стоит. Помимо прямых противников у Каткова бывало немало споров и с теми классиками русской литературы, которых романы он печатал в «Русском Вестнике»: Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Лескова и др. Так, Катковым была исключена глава «У Тихона» из романа Достоевского «Бесы». Восьмая часть романа Толстого «Анна Каренина» из-за разногласий редактора с автором не вошла в журнал «Русский Вестник» и была напечатана отдельно.

Редакторские указания Каткова нередко были дельными и принимались авторами. Однако личные отношения с писателями, которых он публиковал в «Русском Вестнике», не всегда складывались благополучно. Обратимся хотя бы к Тургеневу. Из-за введения в России классической системы образования в гимназиях, одним из инициаторов которой был Катков, особенно «осерчал» на него Тургенев. 27 мая 1871 г. он писал П.В. Анненкову: «Я очень рад поражению гнусного Каткова». 15 мая на Государственном совете сторонники классического образования потерпели поражение. Несмотря на это Александр II утвердил мнение меньшинства.

В письме А.А. Фету 8 сентября 1871 г. Тургенев утверждает, что в жизни презирал только трех людей: Жиардена, Булгарина и издателя «Московских Ведомостей». В письмах различным лицам Тургенев упорно распространял ложные слухи о помешательстве Каткова. Из Парижа он писал С.К. Кавелину 2 октября 1872 г.: «Какие положительные известия о Каткове? Здесь уверяют, что с ума сошел. Плакать не буду». О вечное наше «горе от ума»!

Вообще Тургенев имел привычку представлять своих врагов сумасшедшими. В письме Я.П. Полонскому 24 апреля 1871 г. Тургенев сообщал, что Достоевский пришел к нему лет пять назад, «чтобы обругать меня на чем свет стоит за “Дым” <...> Я слушал молча всю эту филиппику – и что же узнаю? Что будто я ему выразил всякие преступные мнения, которые он сообщил Бартеневу... Это была бы просто-напросто клевета – если бы Достоевский не был сумасшедшим – в чем я несколько не сомневаюсь».

Полемика между журналами «Время» и «Русский Вестник» – между Достоевским и Катковым – читается сегодня, полтора века спустя, как неизменный факт литературной исто-

рии, ущемляющий, однако, роли обоих писателей в литературе, подобно «ссоре» Тургенева и Толстого. О чем спорили Достоевский и Катков?

Неоконченную повесть Пушкина «Египетские ночи» с входящей в нее поэмой Катков называет стихотворением, а в статье «Наш язык и что такое свистуны» (1861) пишет: «Мы согласны, что в фрагменте Пушкина нет ничего безнравственного. Но это только фрагмент, и о нем можно сказать то же, что и вообще о Пушкине: это только намек, это только мотив, это несколько чудных аккордов, в которых что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается для ясного и полного созерцания; надобно слишком много условия, чтобы кроме прелести стихов и очарования образов уловить в этой пьесе намеки ее внутреннего смысла, который раскрылся бы в ней для всех доступно, если бы художник совершил свое произведение вполне»⁸.

Понятие «фрагмент» вызвало резкое возражение со стороны Достоевского: «Не можем не сказать несколько слов, по поводу суждения “Русского Вестника” о “Египетских ночах”. Из этого суждения перед нами ярко выставляется вся сила “Русского Вестника” в понимании поэзии. Вообразите: он называет “Египетские ночи” “фрагментом” и не видит в них полноты – в этом самом полном, самом законченном произведении нашей поэзии! Он говорит, что “это только намек, мотив, несколько чудных аккордов, в которых что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается (!) для полного и ясного созерцания...”»⁹.

Когда В. Брюсов написал в 1916 г. продолжение поэмы Пушкина «Египетские ночи», это вызвало заинтересованные отклики современников. Пушкин со своей поэмой (или «фрагментом») оказался выше критических споров и взаимонепониманий.

В отличие от Тургенева и многих либералов западной ориентации, «равнодушных к целостности и силе государства нашего», у К.Н. Леонтьева было совсем иное отношение к Каткову и его деятельности. Он называл таких либералов «интеллигенцией» и делал при этом пояснение: «Прошу простить мне это *хамское* слово! Серьезно, без *кавычек* я его не позволю употребить»¹⁰.

Катков произнес речь на Пушкинских торжествах 1880 г. и призвал к примирению идейных противников: «Кто бы мы ни были, и откуда бы ни пришли, и как бы мы ни разнились во всем прочем, но в этот день, на этом торжестве мы все, я надеюсь, единомышленники и союзники. Кто знает, быть может, это минутное сближение послужит залогом более прочного сближения в будущем и поведет к замирению, по крайней мере, к смягчению вражды между враждующими».

В ответ на это Тургенев демонстративно отказался поддержать предложенное примирение и чокнуться с протянутым к нему бокалом Каткова. Достоевский, ранее резко полемизировавший с Катковым, теперь оказался на его стороне¹¹.

К.Н. Леонтьев, не присутствовавший на Пушкинских торжествах, в статье «Г. Катков и его враги на празднике Пушкина» высказался по этому поводу со всей определенностью: «Если бы у нас, у русских, была бы хоть искра нравственной смелости и того, что зовут умственным творчеством, то можно было сделать и неслыханную вещь: *заживо политически канонизировать Каткова*. Открыть подписку на памятник ему, тут же близко от Пушкина на Страстном бульваре»¹² (т.е. напротив редакции «Русского Вестника»). И далее Леонтьев продолжает, ссылаясь на мнение известного слависта О.М. Бодянского: «Кого можно счесть по силе, по дару и влиянию на поприще *политической словесности* чем-то

⁸ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. – СПб., 2010. – Т. 1. – С. 362.

⁹ Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. – Л., 1979. – Т. 19. – С. 132.

¹⁰ Леонтьев К.Н. ПСС: В 12 т. – СПб., 2006. – Т. 7. – Кн. 2. – С. 202.

¹¹ Подробнее об «инциденте Каткова» см. в кн.: Волгин И. Последний год Достоевского. – М., 1986. – С. 232–238.

¹² Леонтьев К.Н. Там же. – С. 199.

равносильным Пушкину на попреще *словесности изящной*? Конечно, Каткова! Конечно, всякий, даже и ненавидящий его лично человек, должен повторить слова Бодянского: «Он – личный враг мне (или я ему враг), но он первый и величайший русский публицист!»¹³.

К десятилетию смерти Каткова Вл.С. Соловьёв в статье «Несколько личных воспоминаний о Каткове» отметил его заслугу в освобождении от доктрины «старого славянофильства»: «Он был увлечен политической страстью до ослепления и под конец потерял духовное равновесие. Но своекорыстным и дурным человеком он не был никогда»¹⁴. Большое внимание уделил Каткову Вл. Соловьёв в своей книге «Национальный вопрос в России».

Многие лучшие русские люди были созидателями России, ее культуры и государственности. Среди них в XIX и начале XX столетия М. Катков, Ф. Достоевский, К. Леонтьев, великий просветитель А. Суворин, В. Розанов, П. Флоренский, П. Столыпин, Н. Вавилов и тысячи тех, кто погиб в русское лихолетье века двадцатого.

Велико было число и разрушителей России, которые в конце концов взяли верх и на долгое семидесятилетие установили свое «царство зверя». Начиналось с благородных декабристов и прекрасногодушного А. Герцена. Потом замелькали топоры Н. Чернышевского и Д. Писарева, рубившего пушкинскую поросль («наши топоры лежали до поры»). Тут подоспели террористы-народники и их наследники во главе с Лениным и его поделщиками, приведшими Россию к краху 1917 г., а затем к естественному краху 1990-х годов, ставшему расплатой за преступное господство над страной одной партии. И выход из этого затянувшегося кризиса, порожденного всей нашей историей XX в., возможен лишь при обращении к тому лучшему, светлому, что было создано в России за многие века ее существования. Не переосмыслив прошлого, не создадим будущего.

Насколько важен нам ныне Катков, показали недавние дискуссии о его наследии. Ключевой при этом стала его статья «Наше варварство – в нашей иностранной интеллигенции» (1878), слова которой относятся и к сегодняшней либеральной интеллигенции в России: «Наша интеллигенция выбивается из сил показать себя как можно менее русскою, полагая, что в этом-то и состоит европеизм <...> Наше варварство заключается не в необразованности наших народных масс: массы везде массы, но мы можем с полным убеждением и с чувством достоинства признать, что нигде в народе нет столько духа и силы веры, как в нашем, а это уже не варварство... Нет, наше варварство – в нашей *иностранной* интеллигенции. Истинное варварство ходит у нас не в сером армяке, а больше во фраке и даже в белых перчатках»¹⁵. Как при этом не вспомнить Розанова, выразившего ту же мысль образно: «Все “мертвые души” Гоголя вдруг выскочили в интеллигенцию, и началось такое “шествование”, от которого только оставалось запахнуть дверь»¹⁶.

Новое издание «Собрания сочинений» М.Н. Каткова в шести томах (2010–2012) содействует тому, что глава о нем станет частью «Истории русской словесности».

¹³ Там же. – С. 199–200.

¹⁴ Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. – М., 1989. – Т. 2. – С. 634.

¹⁵ Катков М.Н. Собр. соч.: В 6 т. – СПб., 2011. – Т. 2. – С. 405.

¹⁶ Розанов В.В. Собр. соч. О писательстве и писателях. – М., 1995. – С. 356.

Н.П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ И КАТКОВ: ПУБЛИЦИСТЫ-АнтиПОДЫ В ПОЛОСЕ ВЗАИМНОГО ТЯГОТЕНИЯ

А.П. Дмитриев

Аннотация

В статье показаны 30-летние взаимоотношения двух публицистов-«охранителей» – Н.П. Гилярова-Платонова и Каткова, развивавшиеся от приятельства и сотрудничества в 1850–1860-х годах до их идейного противостояния в 1870–1880-х годах. Если Гиляров в публицистике был больше философом-созерцателем, то Катков всегда оставался практиком и политическим борцом.

Ключевые слова: публицистика, история журналистики, консерватизм, цензура, революционный терроризм, мемуаристика.

Dmitriev A.P. N.P. Gilyarov-Platonov and Katkov: Publicists-antipodes in the stripe of mutual gravitation

Summary. The article deals with the history of 30-year relationship between the two «conservative» publicists – N.P. Gilyarov-Platonov and Katkov, developed from friendliness and collaboration in the 1850–1860-s prior to their ideological confrontation in 1870–1880-s. If Gilyarov in his journalism was more of a philosopher-spectator, Katkov always remained a practitioner and political activist.

Двух известных московских публицистов, принадлежавших к лагерю «охранителей» и одновременно в 1860–1880-х годах издававших ежедневные политические газеты, нередко сопоставляли друг с другом. И хотя гиляровские «Современные известия» в свое время были популярны не менее «Московских ведомостей» как в родном городе, так и в провинции (по тиражу иногда и превосходили), однако, конечно, близкий к славянофилам Никита Петрович Гиляров-Платонов (1824–1887) и при жизни, и тем более после смерти всегда находился в тени своего старшего современника Каткова (их разделяло шесть лет). Причина такого положения вещей лежала на поверхности: если Гиляров в сфере публицистики оставался утонченным философом и богословом, порой слишком своеобразным и замысловатым для широкой публики, то Катков как бы воплощал некий образец по-настоящему востребованного журналиста-практика – «властителя дум», поборника национально ориентированной государственной политики. Тем не менее неслучайно имена Гилярова и другого их знаменитого современника, И.С. Аксакова, часто, особенно же с начала 1880-х годов, объединялись с именем М.Н. Каткова в некий метафорический «триумвират московских консерваторов», будто бы монолитный и мировоззренчески, и в своих каждодневных практиках.

Существенно, однако, что ближайшее литературное окружение видело в Гилярове и Каткове во многом антиподов. Приведем три, на наш взгляд, наиболее проницательных суждения современников, сравнивавших их как публицистов.

Во-первых, интересна оценка третьего члена «триумвирата» – И. Аксакова, высказанная им в письме к самому Гилярову, которое по содержанию можно датировать серединой сентября 1884 г., когда ими обсуждался план слияния «Современных известий» с «Русью», чтоб на этой основе, с привлечением значительных купеческих капиталов, создать большую национальную газету вроде «Таймса»¹. Аксаков писал другу, что тот в качестве редактора

¹ См. об этом проекте «большой московской газеты» обстоятельную публикацию Д.А. Бадаляна: «Мы с Вами – последние могикане...»: Н.П. Гиляров-Платонов, И.С. Аксаков и проект новой общероссийской газеты в письмах и документах

этого издания, в отличие от Каткова, не сможет удовлетворить промышленников-меценатов: «*Вы же не удовлетворите* – потому, что вечно прозираете в будущее за целый век, а иногда и за несколько, – потому что мысль Ваша слишком оригинальна и в то же время радикальна. Вам под стать написать: “Новые начала политической экономии” – целый трактат, и его оценят прежде всего германские ученые. Этого достоинства Катков не имеет, а потому именно он и сильнее Вас, его слово более веско, ближе к делу как оно есть, – что современникам, вообще практикам, а нашим купцам пуще всего – на потребу. Слово Каткова никогда не головоломно, никогда не отвлеченно и при рельефности изложения всем понятно. Как газетный публицист он, несомненно, стоит выше и меня, и Вас. Он не мучается никакими вопросами, не выражает ни сомнений, ни недоумений, – слово его не замысловатое, не мудреное, но властное. Ваша же газета, например, это – “альбом моих ощущений, впечатлений и мыслей”»².

Общедоступность прямолинейного слова Каткова по сравнению с многозначной глубиной гиляровского подчеркивал и литератор И.В. Павлов, знакомый Герцена, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, «человек живого и острого ума»³, в своем письме от 3 июня 1893 г. к князю Н.В. Шаховскому, биографу Гилярова. Павлов дал ему такую характеристику: «Ведь это самый крупный русский публицист! Катков был блестящ, но односторонен; он даже в лучших статьях своих напоминает Сквозник-Дмухановского, закрывающего пальцем некоторые места в хлестаковском письме. А Гиляров ничего не закрывал, ибо воистину был умозритель, видевший ясно оба полюса каждой мысли. Таких умов на свете немного»⁴. Как видим, вывод Павлова о том, кто «выше как публицист», оказался прямо противоположен заключению Аксакова.

Третье, показательное по своей аналитической выверенности, сопоставление публицистов принадлежит упомянутому выше князю Н.В. Шаховскому, филологу и экономисту, в 1900–1902 гг. возглавлявшему Главное управление по делам печати. По смерти Гилярова, своего учителя и друга, он посвятил ему 14 обстоятельных статей и подготовил к печати девять его книг. Но он был близок и к Каткову, и его семье, поскольку его дядя по матери, географ А.П. Ефремов, был ближайшим приятелем Каткова, а брат Лев женился на дочери последнего Варваре, – во всяком случае, Шаховского никак нельзя заподозрить в предвзятости. Он писал в одной из своих первых статей о Гилярове, отталкиваясь от оценок Павлова: «Катков был не только “блестящ”, но он обладал *талантом* публициста. У него были истинный энтузиазм и лирическое чувство. Он не только разяснял вопросы, но он *увлекал*; он действовал не на один ум, а также и на *волю*, и преимущественно на сию последнюю. Катков мог своею статьей *уничтожить* человека и тем подорвать его направление, на что Гиляров не был способен, потому что был христианский философ-созерцатель, который убеждал, а не сокрушал»⁵. И далее о главной заслуге Каткова как охранителя: «Он не проповедовал ничего нового, он заботился об укреплении старых наших исторических и бытовых основ, потрясенных в общем сознании после освобождения крестьян. Святость и неприкосновенность Русской территории, добытой некогда русскою кровью; святость формы правления,

1884 г. // Гиляровский историко-литературный сборник. – СПб.: Росток, 2012. (Готовится к печати.)

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистоляр. дневник 1838–1886 гг. – М.: Рус. книга, 2004. – Т. 3. – С. 442; уточнено по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 2. № 13. Л. 35 об. – 36.

³ Мостовская Н.Н. И.В. Павлов – корреспондент Тургенева // И.С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. – Л.: Наука, 1982. – С. 143.

⁴ ОР РНБ. Ф. 847. № 144. Л. 1–1 об.

⁵ Шаховской Н., кн. Из подготовительных работ по биографии Гилярова // Русский архив. – 1893. – Кн. II. – Вып. 7. – С. 428.

выработанной историей народа, незыблемость Православия именно в том виде, в каком оно есть, и пр.: вот чего Катков был стойкий защитник»⁶.

«Гиляров, – продолжал свое сопоставление Шаховской, – был иной: в каждой его статье сквозил уголок никому неизвестного, но тщательно выработанного им мировоззрения <...> Гиляров был сильнее Каткова шириною взглядов, строгостью и последовательностью убеждений, а с практической стороны, в отношении к каждому живому факту, выдвигаемому жизнью и ждущему своего разрешения сейчас, сию минуту, он должен был уступать Каткову, который и лучше знал среду, приемы, и обладал бóльшим одушевлением и убедительностью для читателей»⁷. И наконец: «Люди, подобные Никите Петровичу Гилярову, – *роскошь*. Их не замечают при жизни, но им удивляются и поклоняются после их смерти. <...> У Гилярова у одного были свои собственные убеждения»⁸.

Приведенные суждения, разумеется, не являются истиной в последней инстанции и могут быть скорректированы (например, оспорен тезис об отсутствии у Каткова своеобразных убеждений), но нельзя не признать, что высказанные столь глубокомысленными современниками из окружения Гилярова и Каткова, тем более людьми, близкими им по взглядам, они в первую очередь заслуживают того, чтоб быть услышанными и осмысленными.

Начало взаимоотношений Гилярова и Каткова относится к середине 1850-х годов, причем период до личного знакомства интересен некоторым сходством их жизненного пути: оба преподавали в высшей школе – Катков логику, психологию и историю философии в Московском университете (1845–1850), а Гиляров – библейскую герменевтику, сравнительное богословие и расколоведение у Троицы в Академии (1848–1855), и оба вынужденно прервали свою педагогическую деятельность: Катков – по причине ликвидации кафедр философии в университетах, Гиляров – из-за конфликта с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Познакомились они, когда Катков приступил к изданию своего «Русского вестника», имевшего поначалу либерально-западническую окраску, а Гиляров примкнул к узкому кружку славянофилов, основавших журнал «Русская беседа», в котором принял ближайшее участие и как автор ряда принципиальных статей по литературной критике и методологии истории, и как правительственный цензор. Одновременно (с 1858 г.) он цензурировал и журнал Каткова. Современники не раз отмечали необычное поведение Гилярова при исполнении им своих служебных обязанностей: он не только не стремился запретить тот или иной неудобный материал в порученных его опеке изданиях⁹, но подчас сам его редактировал, сглаживая острые моменты, а порой на свой страх и риск пропускал важные для общества злободневные статьи вопреки инструкциям, требовавшим утомительные согласования таких решений с высшими инстанциями (так было, например, с публикациями в «Русском вестнике» по крестьянскому вопросу¹⁰).

Неудивительно, что впоследствии параллельно с цензурованием журнала Каткова Гиляров по его просьбе стал и редактировать отдельные поступающие в редакцию материалы. Своему почитателю, публицисту И.Ф. Романову-Рцы Гиляров писал о себе 15 ноября 1886 г.: «Ценили Катков / Леонтьев, но умозрительно! – в числе условий моей работы (письменных) поставлено было, чтобы я являлся в редакцию (“Русского вестника”) “высказывать (словесно) свои мысли по текущим вопросам”»¹¹. А 1 марта 1862 г. М.Н. Катков и П.М.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 429.

⁸ Там же. – С. 430.

⁹ См., например: Ф.Е. <Еленев Ф.П.>. Черта из жизни Гилярова-Платонова // Русский архив. – 1887. – Кн. III. – Вып. 12. – С. 571–575.

¹⁰ Его объяснение министру народного просвещения по этому вопросу (от 9 марта 1859 г.) опубли.: Любимов Н.А. Докладная записка Н.П. Гилярова-Платонова // Русский вестник. – 1888. – Т. 195, март. – С. 423–426.

¹¹ «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...»: (Письма Н.П. Гилярова-Платонова к И.Ф. Романову-Рцы) / 20

Леонтьев предложили Гилярову «расширить содействие» «Русскому вестнику», фактически – взять на себя заведование редакцией этого журнала¹². Они видели в Гилярове не «человека партии», а ценного сотрудника и помощника, обладающего широтой воззрений и самостоятельностью мышления. Эти обязанности Гиляров, по всей видимости, выполнял недолго, потому как в августе 1863 г. возглавил Синодальную типографию в Москве. Позднее, в 1886 г., когда очередной заведующий редакцией этого журнала, В.П. Ключников, покинул Москву и переехал в Петербург, Гиляров, теснимый кредиторами, попробовал снова испросить эту должность у Каткова и написал ему так: «Мне сказывали, верно или нет, не знаю, что В.П. Ключников оставил занятия свои по “Русскому вестнику”. Вспоминаю, что некоторое время на мне лежали приблизительно обязанности, которые перешли потом к Н.А. Любимову и В.П. Ключникову, и Вы с Павлом Михайловичем <Леонтьевым> не были мною недовольны»¹³. Однако в тот период пути бывших друзей сильно разошлись и Катков отказался от сотрудничества Гилярова в своем издании. Изредка последний и сам печатался в «Русском вестнике». Так, известен его ироничный отклик на статью А.Н. Муравьева «Обличение на книгу “О возможном соединении Церкви Российской с Западною”»¹⁴. О драматичной истории, связанной с публикацией в журнале Каткова мемуарной книги Гилярова, скажем ниже.

Следующий и наиболее важный этап их взаимоотношений начинается в декабре 1867 г., когда Гиляров основал первую в Москве ежедневную газету «Современные известия» («Московские ведомости» тогда не выходили по понедельникам), которая стала, с одной стороны, конкурентом изданию Каткова, а с другой – идейно дополняющим и во многом поддерживающим его позицию органом печати.

Гиляров относился к Каткову-редактору поначалу довольно тепло, но начиная с 1870-х годов все более и более несочувственно и критически. До этого периода позиции Каткова и И. Аксакова (с его газетами «День», «Москва» и «Москвич») оценивались Гиляровым одинаково высоко – как ориентированные на смелый и плодотворный диалог с правительством. Позднее он писал в брошюре «Нечто о Русской церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева» (Лейпциг: Тип. Ф.А. Брокгауза, 1887; под псевд. «Р.С.Т.»): «В прежнее время Главное управление печати прощало резкие выражения консервативных органов печати, которые, как у И.С. Аксакова или М.Н. Каткова (до 1870-х годов), вызывались глубоким патриотизмом и любовью к России и к ее Монарху. Теперь же подобные выражения преследуются, что можно было видеть на предостережениях, данных газетам “Восток” и “Русь”»¹⁵.

Можно привести немало примеров, где «триумвират» выступал как бы единым фронтом. Особенно показательны передовицы во всех трех газетах, посвященные юбилею митрополита Московского Филарета (Дроздова), праздновавшемуся в августе 1867 г. и фактически замолчанному либеральной прессой¹⁶. Впоследствии такое единомыслие Гилярова с Катковым встречалось все реже.

Вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.П. Дмитриева // Возвращение Гилярова-Платонова: Сб. ст. и материалов. – Коломна: Коломен. гос. пед. ин-т, 2007. – С. 287.

¹² См.: ОР РНБ. Ф. 847. № 654. Л. 1–2.

¹³ Там же. – № 421. Л. 5.

¹⁴ Ц. <Гиляров-Платонов Н.П.>. Библиографическая заметка // Русский вестник. – 1859. – Т. XX, апр. – Кн. 1. – Отд. II. – С. 245–250. Полемическая статья Муравьева была направлена против книги Н.Б. Голицына.

¹⁵ Разумевающие верой: Переписка Н.П. Гилярова-Платонова и К.П. Победоносцева (1860–1887) / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. А.П. Дмитриева. – СПб.: Росток, 2011. – С. 331.

¹⁶ См.: Дмитриев А.П. Филаретовский юбилей 1867 г. и кончина святителя в оценках «триумвирата» московских консерваторов (И.С. Аксаков, Н.П. Гиляров-Платонов, М.Н. Катков) // Филаретовский альманах. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 165–186; то же в изд.: XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Материалы: В 2 т. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – Т. 1. – С. 115–124.

Отметим два случая. В 1869 г., при обсуждении нового Устава духовных академий, Катков предложил заменить их богословскими факультетами при университетах ради экономии казенных средств. Он выдвинул идею перевода Московской духовной академии из Троице-Сергиевой лавры в Москву, считая ее размещение в Лавре проявлением волюнтаризма Павла I и призывая исправить историческую несправедливость, вернув Академию в Москву¹⁷. На это суждение, выдвигавшее на первый план мотив нравственного искупления, с сочувствием откликнулась газета Гилярова¹⁸.

Второй случай связан с неисполнением обоими редакторами Высочайшего распоряжения от 5 января 1873 г., требовавшего, чтобы при освещении Нечаевского процесса «повременные издания ограничились перепечатками стенографического отчета “Правительственного вестника”»¹⁹. Однако Гиляров и Катков в своих газетах не удержались и дали сообщения о процессе Нечаева до появления отчета в официозе²⁰, за что и поплатились – номера их газет были арестованы. Об этом Гиляров с нескрываемой горечью писал своему приятелю и многолетнему корреспонденту К.П. Победоносцеву 29 января 1873 г.: «Нам было объявлено Выс<очайшее> повеление заимствовать отчет из “Прав<ительст-венного> вест<ника>”. Но я, конечно, и Катков также – решили, что медлить сообщением впечатления, которое в правительственном смысле очень хорошо, поведет лишь к тому, что ослабится и заподозрится впечатление “Прав<ительственного> вест<ника>”. А за это прогневались!»²¹

Сохранившиеся девять писем и записок Гилярова к Каткову (едва ли их было больше, учитывая то, что они оба москвичи и если общались, то исключительно по делу) по тону сдержанны, хоть и доброжелательны: Гиляров в августе 1862 г. ставит Каткова в известность, что уволен от цензорской должности, а в марте 1877 г. поясняет претензии цензоров к публикации речей И. Аксакова в Славянском комитете²², просит поддержать в трудную минуту и ссудить то 10, то 15 тыс. рублей, в марте 1884 г. предупреждает о возможном закрытии «Современных известий» (в этих последних письмах сквозит отчаяние)²³.

Но именно в письмах к тому же Победоносцеву, позиции которого во властных структурах в то время неуклонно усиливались, Гиляров чаще, чем кому бы то ни было из своих корреспондентов, очень искренно высказывает свое растущее недовольство Катковым. Причины этого очевидны: во-первых, «Московские ведомости» оказывали все большее влияние на правительственную политику; во-вторых, через Победоносцева Гиляров хотел донести до верховной власти свое убеждение в том, что это влияние тлетворно и способствует обострению политической ситуации в стране, и, наконец, ему было важно разубедить самого Победоносцева, как известно, из всех русских газет признававшего полезным только издание Каткова. Так, накануне приезда Александра III с семьей в Москву, 15 июля 1881 г., Победоносцев писал сопровождавшему их министру внутренних дел графу Н.П. Игнатьеву: «Сделайте милость, не пускайте к нему там журналистов, кроме Каткова. Он один – достойный уважения и преданный, разумный человек. Все остальные – сволочь или полоумные»²⁴. Под «полоумными» в первую очередь подразумевались как раз Гиляров, с его оригинальными проектами по умиротворению общества после царевубийства, и И. Аксаков, вынашивавший тогда проект созыва нового Земского собора.

¹⁷ См.: Московские ведомости. – 1872. – 9 марта (№ 60). – С. 2.

¹⁸ См.: Современные известия. – 1872. – 13 марта (№ 71). – С. 2.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3. Л. 41.

²⁰ Современные известия. – 1873. – 9 янв. (№ 8). – С. 2; Московские ведомости. – 1873. – 9 янв. (№ 5). – С. 2.

²¹ Разумевающие верой. – С. 131.

²² НИОР РГБ. Ф. 120. Карт. 24, кн. 3. Л. 162–163 об.

²³ ОР РНБ. Ф. 847. № 421. Л. 1–8.

²⁴ Былое. – 1924. – № 27/28. – С. 57.

Почему же Гиляров полагал, что подобное чуть ли не подобострастное отношение петербургских чиновников к Каткову пагубно для России? Дело в том, что он считал позицию, занятую «Московскими ведомостями» в вопросе революционного движения, провокационной, разжигающей недобрые страсти и множащей ряды нигилистов. Например, по поводу прокламации студента Н.Н. Гончарова («Виселица» от 14 мая 1871 г.), протестовавшей против классического образования и его пропаганды Катковым (как некоего противоядия от распространения социалистических идей в молодежной среде), Гиляров писал Победоносцеву 19 февраля 1872 г.: «...На мой взгляд, “Московские ведомости” суть главный враг истинно классического образования и во многих отношениях главнейшая причина и Нечаева, и Гончарова. Разве не “Русский вестник” – родоначальник самого нигилизма? Отсутствие нравственных начал, исконное, привело их к полицейскому воззрению, из боязни попасть в грубый нигилизм, и к классицизму, по-своему понимаемому. Эко спасение! Но классицизм, по ихней мерке проводимый, только отупляет: это факт, подтверждения которому имею многие. Заранее грустно за реакцию, которая рано ли, поздно ли наступит и которая погубит даже ту долю истинного, что есть в теперешних “Московских ведомостях”»²⁵.

Та же мысль развивается и в дальнейшей переписке. Так, 20 февраля 1874 г. Гиляров делился с приятелем впечатлением от одной из катковских передовиц: «На душе неизмеримо скверно. Видишь положительно борьбу двух нигилизмов, радикалистического и консервативного; последний еще хуже первого. Первый, по крайней мере, по-своему честен, но от чтения “Московских ведомостей” можно получить истерику; лезть никогда не доходила до такого бесстыдства: от статьи, восхваляющей Габсбургов, обругавшей славян и выдавшей все эти похвальные чувства за мнение Москвы и России, я сделался почти болен»²⁶. (Речь идет о передовой статье, приуроченной к визиту императора Франца-Иосифа и носящей подчеркнуто официальный характер; в ней, в частности, утверждалось: «В России высказывались сочувствия к соплеменным народностям, живущим под скипетром Габсбургского дома, но не в ущерб целому, которого единство и сила заключаются в этом скипетре»²⁷.)

24 октября 1880 г. Гиляров прямо обвиняет Каткова в разгуле терроризма (в частности, в связи с покушением на императора А.К. Соловьёва): «...Воспоминание о роли, которую исполняли “Московские ведомости” последние три-четыре года особенно, не может не вызывать раздражения; но источник его не личный. Ужасающие выходки революционной шайки должны быть на большую половину поставлены в вину “Московским ведомостям”. Они были органом всякой реакции, глашатаем всякой репрессии, противником всякой свободы. Аракчеевщина – вот был бы их идеал. <...> Разумеется, не они подуськивали Соловьёва и его братию, но они отлично распахивали почву, рассеивая недовольство и озлобление в публике, так что публика под конец пассивно относилась к злодеяниям. <...> Пред обществом была дилемма: революционная дерзость возбуждала омерзение, но не меньшее и идеалы “Московских ведомостей”»²⁸.

В том же письме Гиляров возлагал на Каткова и вину в усилении влияния на общество антинациональных сил и утверждал, что такая безответственность подпитывается только тщеславием: «...Либеральная фраза, праздная оппозиция получает в обществе незаслуженный авторитет, благодаря душительному направлению “Московских ведомостей”, которым общество не может же сочувствовать. И добро бы их мнение было жизненным убеждением. При своем несомненном таланте, при уме и образовании Катков движется только личным

²⁵ Разумевающие верой. – С. 82.

²⁶ Там же. – С. 161.

²⁷ Московские ведомости. – 1874. – 7 февр. (№ 35). – С. 3.

²⁸ Разумевающие верой. – С. 194.

самолюбием, безграничным самолюбием. Он убежден на ту минуту, когда он говорит, в том, что говорит. Но убежден по самолюбию. <...> Надо уметь отыскать клапан; всякая дальнейшая реакция, всякая репрессия будет уголья горячие на голову»²⁹.

Приведем еще суждение Гилярова, развивающее эти его последние мысли о славолюбии Каткова. 6 декабря 1872 г. он писал Победоносцеву: «“Моск<овские> вед<омости>” хотели быть русским “Times’ом”, насколько это возможно в России, давать лекции министрам и Госуд<арственному> совету, соуправлять им, помогать в законодательстве и администрации. <...> В сущности, вся независимость, которою хвалились “Моск<овские> вед<омости>”, есть пух <...>. Говорю это не по внешнему наблюдению, но по внутреннему опыту; я ведь стоял отчасти около самой этой лаборатории»³⁰. И далее Гиляров очень резко высказывается о якобы безыдейном политиканстве Каткова: «Да, впрочем, что об этом толковать; это слишком известно и несомненно, как несомненно и то, что начиная с 1856 г., т.е. с “Русского вестника”, было, может быть, до десятка перемен декорации в quasi-убеждениях по известным вопросам, оказывавшихся на деле отчасти внушениями личного самолюбия редакторского, отчасти торговыми соображениями, отчасти подслуживанием сначала пошлomu либерализму, а потом властям»³¹.

В духе этих своих рассуждений, не становясь, впрочем, на сторону гонителей Каткова, Гиляров (в уже цитированном письме от 24 октября 1880 г.) осмыслял как само собою разумеющуюся и неизбежную попытку либерально настроенных писателей во главе с Тургеневым исключить «ренегата» Каткова из числа участников Пушкинских торжеств в июне 1880 г.: «Разве мог встретиться с Катковым Тургенев, разве могли встретиться представители всей петербургской печати?»³²

Следует упомянуть, что свое неприятие практических действий Каткова-публициста, и именно публициста всероссийского масштаба и влияния, Гиляров не только выражал в частной переписке, но и открыто оспаривал их в печати. Например, он язвительно обсуждал передовицу М.Н. Каткова, где разгул революционного движения конца 1870-х годов уподоблялся периоду Польского восстания 1863 г. и автором глухо рекомендовалось ужесточить административные меры, в том числе и в области цензуры³³. Гиляров требовал уточнений: «...Друзья порядка не посетуют, если и еще усиленнее будут преследования злой подземной шайки, столь дерзко тревожащей покой России. Но спасительно было бы, наоборот, развязать руки и язык благонамеренной части общества. <...> К какому практическому выводу газета клонила сегодняшнюю речь <...> трудно догадаться; но во всяком случае видим – в сторону, противоположную свободе и общественному простору, и об этом нельзя не пожалеть с точки зрения общественного порядка, основами которого мы столь же дорожим, как и “Московские ведомости”»³⁴. Своему ученику князю Н.В. Шаховскому Гиляров комментировал этот свой вызов Каткову так: «Вы хвалите Каткова за мужество. В чем оно и что он сказал? Вы теперь уже прочитали мой запрос ему, на который он, вероятно, ничего не найдет нужным ответить, потому что ответить нечего. <...> Нет, я похвалил бы Каткова, если бы он имел мужество отказаться от графа <Д.А.> Толстого и признать его одним из виновников анархии. Я поставил бы ему памятник, если бы он во время пребывания своего в Крыму, где он почти ежедневно обедал у Государя и гулял с ним, если бы он, воспользовавшись этою редкою от Царя милостию, доложил ему истинное положение России, чем она недовольна и

²⁹ Там же. – С. 195, 196.

³⁰ Там же. – С. 121.

³¹ Там же.

³² Там же. – С. 195.

³³ Московские ведомости. – 1879. – 1 дек. (№ 306). – С. 2.

³⁴ Современные известия. – 1879. – 2 дек. (№ 332). – С. 2.

чего желает. Это было бы мужество. А смущать Россию сравнением настоящего положения с 1863 годом, обвинять правительство в слабости, не указывая определенных мер, к каким оно должно прибегнуть, — это есть тоже своего рода агитация»³⁵.

Очевидно, что Гилярову, как публицисту-философу, была ближе позиция умозрителя, только осмысляющего ситуацию, а не практического деятеля, не утилитарного политика. Поэтому в своей критике правительства и разрушительных сил, ему противостоящих, он был антиподом Каткова. Но тут стоит продемонстрировать ту «стереоскопичность» зрения Гилярова, то его умение «видеть ясно оба полюса каждой мысли», о которой писал И.В. Павлов. Когда Катков скончался, Гиляров посвятил ему поминальную статью, которая из-за смелости своих чеканных формулировок послужила материалом для донесения Московского цензурного комитета в Главное управление по делам печати. На защиту редактора «Современных известий» тогда встал исправлявший в тот период должность начальника этого учреждения Ф.П. Еленев, резко одернувший подчиненных, — он высоко оценил статью Гилярова: «Из множества статей по поводу кончины М.Н. Каткова статья Гилярова в № 202 выдается по уму, верности оценки, блестящему изложению и в полной мере правительственному направлению. Только канцелярский взгляд может находить резким и неблагонамеренным все умное и сильно выраженное и одобрительным только бесцветное и льстивое. Цензура, руководящаяся такими канцелярскими взглядами, приносит больше вреда, чем пользы»³⁶.

А Гиляров в этой своей статье действительно сумел взглянуть на дело жизни Каткова под иным, может даже неожиданным для самого себя, углом зрения — и увидел личность, вклад которой в русскую культуру и в политическое самосознание народа неоценим. При этом надо учитывать, что Гиляров всегда был противником этикетного принципа «о мертвых либо хорошо, либо ничего» и обычно давал сошедшим с жизненного поприща деятелям самые нелицеприятные характеристики. Катков для него уже не адепт «аракчеевщины» и «всякой реакции», а «явление небывалое, беспримерное», поскольку «постоянное соединение государственного деятеля и публициста в одном лице <...> самое понимание обязанности публициста как стража государственных интересов — это явилось с Катковым и, должно полагать, с ним прекратится». И далее: «Нужно было польское восстание, нужна была анархистская пропаганда, чтобы голос со Страстного бульвара получил силу трубную архангельского гласа, который будил мертвых в обществе и от которого содрогались даже власть имущие»³⁷. И то, что раньше раздражало Гилярова в Каткове («до десятка перемен декорации в quasi-убеждениях»), теперь оказалось наполненным новым, благотельным смыслом. Он писал: «Катков был не догматик, не творец, а боец <...>. Отсюда нередкие противоречия в его частных положениях: их должно судить с точки зрения общей идеи, которой они подчинялись. А идея эта — *единство Русского Государства и его мощь*. Частные факты, теоретические права и интересы преклонялись пред ней, исчезали в ней»³⁸.

Известно, что смерть Каткова вызвала в неославянофильских кругах и другие оценки, граничащие с мстительностью и злопыхательством, — так, О.Ф. Миллер говорил об «увлечении» Каткова «чуждым нам строем немецкого полицейского государства» и о том, что он якобы «мог только подрывать политическую мощь России, лишая ее голоса в международных делах всякой силы и всякого веса, а тем самым действовать в руку нашим врагам...»³⁹. Гиляров, таким образом, шел «против течения», но в исторической перспективе его слова

³⁵ ОР РНБ. Ф. 847. № 502. Л. 3 об.

³⁶ Цит. по: Шаховской Н., кн. Никита Петрович Гиляров-Платонов // Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений: В 2 т. — М.: Изд. К.П. Победоносцева, 1899. — Т. I. — С. XLIV.

³⁷ Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений. — М., 1900. — Т. II. — С. 522.

³⁸ Там же. — С. 523.

³⁹ Миллер О. Славянофилы и Катков // Русский курьер. — 1887. — 28 сент. (№ 267). — С. 2.

были куда более справедливы. Он указывал на заслугу Каткова как раз в деле социальной либерализации, риторически вопрошая при этом: «Если кому казался Катков силой, задерживающею движение вперед, то не покатымся ли мы назад с неудержимою быстротой по кончине того, кому всякая общественная свобода многим обязана, а свобода печати, как она ни умеренна, обязана даже всем?»⁴⁰.

Так прощался с Катковым человек, которому впору было бы затаить обиду на него, — ведь последние четыре года, которые им были отсчитаны (они умерли один за другим, с промежутком в три месяца), оказались для их многолетних отношений настоящим испытанием. Все началось с публикации в 1884–1885 гг. в «Русском вестнике» воспоминаний Гилярова «Из пережитого». 23 ноября 1886 г. в письме к Романову-Рцы Гиляров кратко описал, почему их печатание прервалось на 53-й (из 63-х) главе: «Вы полагаете, что я мог бы писать в “Русском вестнике”. Скрепя сердце я писал свою Автобиографию (деньги были нужны); но подвергался таким глупым вычеркам (от собственной руки Михайла Никиф<оровича>), что только руками разводил. Я терпел, имея в виду, что в издании книгою воспроизведу зачеркнутое. Но потом вынужден был взять рукопись из редакции по следующему случаю. Помните, я обличил Мисаила, что произнес под именем своим чужую и притом уже *напечатанную* речь? За это в “Московских ведомостях” буквально меня обругали и даже называли *антихристом* (sic), и потом я услышал, что решено не печатать моей Автобиографии в “Русском вестнике”. Видите, какие отношения!»⁴¹. Сличение журнальной и книжной публикаций показывает, что Катков убирал отдельные слова и выражения и даже целые абзацы в мемуарах Гилярова главным образом в двух случаях: если в неблагоприятном свете изображались представители дворянства (например, рассказы о любовницах старого князя Черкасского из числа его дворовых девушек или о «дворянах-прихлебателях» при его доме), либо если, с точки зрения редактора «Русского вестника», не соблюдалась должная мера благоговения при описании явлений и событий церковной жизни (например, обращение Гилярова к легенде о святых Касьяне и Николае или описание им несправедливого духовного суда над протоиереем В.И. Грузевым). Всего же, по нашим подсчетам, Катковым было сделано 18 существенных «вычерков» по идейным соображениям. Конфликт же разгорелся из-за передовицы Гилярова, в которой он рассказал о «психологическом факте»: викарий Московской епархии, епископ Михаил (Крылов), открывая публичные собеседования со старообрядцами, «произнес *чужую* речь, сказанную при подобных же обстоятельствах в Калуге преосвященным Владимиром Калужским за год назад и даже *напечатанную*»⁴². Катков тут же откликнулся статьей, где «Современные известия» именовались «органом общественного безобразия»⁴³, а также поместил заметку, содержащую личные оскорбления в адрес Гилярова⁴⁴.

Потом, в 1886 г., уже не могло быть и речи о том, чтобы Гиляров заменил Ключеникова в заведовании редакцией «Русского вестника». Не помог Катков брату по перу и с кредитом тысяч в десять, хотя его личное состояние, как было известно Гилярову, достигало тогда трех миллионов рублей⁴⁵.

Кончина же его тоже оказалась роковым образом связана с Катковым. Гиляров мечтал взять в аренду осиротевшие «Московские ведомости», его кандидатуру поддерживали,

⁴⁰ Гиляров-Платонов Н.П. Сборник сочинений. — Т. II. — С. 524.

⁴¹ «Многое тут разбросано искрами глубокой мысли...». — С. 306.

⁴² Современные известия. — 1885. — 10 сент. (№ 231). — С. 2.

⁴³ Московские ведомости. — 1885. — 13 сент. (№ 253). — С. 2.

⁴⁴ А.М. Письмо в редакцию // Там же. — С. 3. Подробнее об этой истории см.: Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и его «автобиографические воспоминания» // Гиляров-Платонов Н.П. Из пережитого: Автобиограф. воспоминания: В 2 т. — СПб.: Наука, 2009. — Т. 2. — С. 315–317. (Лит. памятники).

⁴⁵ См. письмо Гилярова к Д.Н. Шубинскому от 24 сентября 1887 г. (РО ИРЛИ. Ф. 71. Д. 49. <№ 10>. Л. 1).

помимо вдовы С.П. Катковой, московский градоначальник князь В.А. Долгоруков и ряд петербургских сановников. Гиляров предпринял две утомительные поездки в Петербург, чтоб заручиться поддержкой влиятельных чиновников⁴⁶. Здесь 13 октября 1887 г. он и скончался – в номере гостиницы, находившейся у самой Дворцовой площади – в том месте, куда сходились токи русской государственности, над проблемами которой он размышлял всю жизнь и в практическом осуществлении которой деятельно участвовал Катков.

⁴⁶ См. об этом подробно: *Гиляров-Платонов Н.П.* Письма к Анне Михайловне Гальперсон: <Эпистолярный дневник 1887 года> // *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого. – Т. 2. – С. 220–247, 497–539.

ФЕДОР ТЮТЧЕВ И МИХАИЛ КАТКОВ В ЛИТЕРАТУРНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1860-х ГОДОВ

Т.В. Федосеева

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о характере взаимодействия Ф. Тютчева и М. Каткова в литературном и общественно-культурном пространстве России 1860-х годов. Уточняется вопрос о степени общности мировоззренческих установок и жизненной позиции. Особое внимание уделяется отношению к наиболее острым проблемам современности: свободы печати, российской государственности, народного просвещения.

Ключевые слова: «Московские ведомости», переписка, вопрос о совпадении мировоззренческой позиции, сотрудничество, вопрос о печати, российская государственность, народное просвещение.

Fedoseeva T.V. Fedor Tutchetv and Michael Katkov in Russian literary and public life of 1860-th years

Summary. The article deals with the nature of Tyutchev's and Katkov's interaction in the literary, public and cultural space of Russia in 1860 s. It analyzes the degree of commonality of their worldviews and life philosophies. Special consideration is given to their attitude to the most pressing problems of modernity: freedom of press, Russian national identity, public education.

Ф.И. Тютчев в русский период своего творчества проявлял чрезвычайную заинтересованность в вопросах внутренней и внешней политики Российского государства. Он был сосредоточен на вопросах философии истории, много размышлял о прошлом, настоящем и будущем своего отечества, о тех духовных и нравственных ценностях, которые составляют основание национального самосознания. Именно эти ценности, по твердому убеждению поэта, должны определять собою отношения власти и народа. «После возвращения в Россию в 1844 г. Тютчев, оказавшись на Родине, испытывая искренний патриотический подъем, — пишет В.Н. Аношкина, — осмысливал заново мировой исторический процесс и судьбу России в нем»¹. В сложной политической ситуации, которой была отмечена середина века, поэт-патриот и сотрудник Министерства иностранных дел был заинтересован в том, чтобы политика правительства корректировалась общественным мнением.

В печати Тютчев видел эффективное и действенное средство воздействия на власть, силу, способную изменить состояние дел в стране и мире. Не случайно в творческом наследии поэта заметное место занимает публицистика, которая, по словам Б.Н. Тарасова, органично сочетала в себе «злободневное» и «непреходящее», интерес к событиям и явлениям современности — «внешним политическим столкновениям», «дипломатическим конфликтам» — с глубокой мыслью, обращенной к основам бытия². Мысль Тютчева распространялась от событий далекого прошлого к сегодняшним впечатлениям и грядущим перспективам. Политика в его сознании существовала не отдельно, а как одно из проявлений извечного противостояния добра и зла в мире, христианского самоотвержения и эгоистического самозатверждения в человеке.

¹ Аношкина В.Н. Заключение // Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева. — М.: Пашков дом, 2011. — С. 555.

² Тарасов Б.Н. Историческая основа публицистики Ф.И. Тютчева // Там же. — С. 290–291.

Политическая, философская, идеологическая сфера интересов русского поэта, мыслителя, патриота сблизила его в начале 1860-х годов с московским публицистом, издателем и журналистом М.Н. Катковым.

Катков был лицом, заслужившим в русском обществе второй половины XIX в. большую известность. Ко времени знакомства с Тютчевым он был автором целого ряда научно-исторических и художественных переводов с европейских языков, а также оригинальных работ о русском народном творчестве и национальной словесности, в частности успешно защищенной магистерской диссертации «Об элементах и формах славяно-русского языка». Начиная с 1856 г. и до конца жизни (умер в 1887 г.) Катков был издателем и редактором одного из ведущих литературных и общественно-политических журналов в России – «Русского вестника». В первые годы своей издательской деятельности был далек от политики, занимался «литературным вопросом», возглавляя отдел «Литературное обозрение и заметки»³. В первых выпусках журнала в январе-марте 1856 г. им была опубликована концептуальная статья о творчестве А.С. Пушкина. В ней было дано теоретически аргументированное обоснование пониманию национального таланта поэта. Эта статья стала продолжением мысли, высказанной в 1828 г. С.П. Шевыревым и И.В. Киреевским о зрелости пушкинского гения и его национальном характере. В условиях развернувшейся полемики о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе слово Каткова было замечено и по достоинству оценено как «капитальный» труд даже его идеологическими противниками в лице Н.Г. Чернышевского. Основным тезисом статьи «Пушкин» было утверждение, что в таланте поэта «впервые со всею энергиею почувствовалась жизнь в русском слове и самобытность в русской мысли»⁴. Именно способность мыслить самостоятельно и служить отечеству более всего ценил Катков. Известно, что он со всей страстностью своей натуры демонстрировал то и другое, наживая личных врагов.

В творческой судьбе Тютчева имя Пушкина тоже заняло особенное место. Со времен созданной Иваном Аксаковым первой биографии поэта его справедливо считают продолжателем Пушкина. Небезынтересны в связи с этим рассуждения В.В. Кожина о наследовании пушкинской традиции не только в творчестве, но и в той жизненной позиции, которую занимал поэт. В монографии приведены биографические факты, свидетельствующие об этой общности⁵. В условиях занявшего наступательную позицию в литературе «реализма» и восторговавшего в умах и сердцах прагматизма идеал гармоничной личности, воплощенный в творчестве Пушкина и его жизненной философии, оказался одинаково привлекательным для Тютчева и Каткова.

Идеологическая основа, на которой базировалась деятельность Каткова, до последнего времени трактовалась как крайне реакционная⁶. Ему было отведено место среди авторов, занявших охранительную по отношению к имперской политике российского правительства позицию, что в значительной степени обедняло представление о значении этой яркой фигуры в литературной и общественной жизни России второй половины XIX в. Для современного уровня осмысления мировоззренческих оснований деятельности Каткова эта оценка неприемлема. В последние десятилетия успешно преодолевается односторонность

³ М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк Р.И. Сементковского. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1892. – С. 24.

⁴ Катков М.Н. Пушкин // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX в. / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. – М.: Искусство, 1982. – С. 400.

⁵ Кожин В.В. Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев / Вадим Кожин. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2002. [Электронный ресурс]: URL: <http://lib.rus.ec/b/172701/read/> (дата обращения 01.09.2012).

⁶ См.: Кантор В.К. М.Н. Катков и крушение эстетики либерализма // Вопросы литературы. – 1973. – № 5. – С. 173–212; Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М.: Наука, 1978. – 278 с.

трактовки его общественной позиции, выраженной в журнально-публицистической деятельности⁷.

Уже в 1992 г. С.С. Ванеян предложил основанный на отечественных, зарубежных источниках и архивных материалах развернутый очерк жизни и творчества Каткова как публициста, издателя, критика. В очерке был воссоздан образ цельного и глубокого человека, для которого «нравственно и метафизически оправдано только личное служение монарху как воплощению власти народа»⁸. С. Лебедев в статье, опубликованной в исторической энциклопедии, пишет о нем как о человеке большого ума и образованности, горячем патриоте и талантливом филологе⁹. Ф. Селезнёв и М. Смолин убедительно говорят о последовательности его позиции в отношении к наиболее острым вопросам современной ему русской жизни. Пишут о характерном для Каткова сочетании «искренней религиозности», глубокого патриотического чувства и убежденности в том, что истинный прогресс состоит в наращивании положительных явлений жизни¹⁰.

Степень общности взглядов Тютчева и Каткова до сих пор определяется устоявшейся в науке прошлого века точкой зрения. Самую суть ее выразил К.В. Пигарёв, объяснявший интерес первого популярностью изданий второго. Исследователь писал, что хотя «ни со стороны Тютчева, ни со стороны других славянофилов полного единомыслия с издателем “Московских ведомостей” не было», «в вопросах внешней политики славянофилы близко соприкасались с Катковым, и этого было достаточно, чтобы Тютчев считал необходимым всячески поддерживать последнего»¹¹. Этой точки зрения придерживается большинство современных исследователей жизни и творчества поэта. В сравнительно недавно изданной монографии В.В. Кожинова вопросу о взаимоотношениях Тютчева с Катковым уделяется значительное внимание¹². При этом сохраняется резко негативное отношение к личности Каткова и акцентируются критические замечания в его адрес, имевшие место в некоторых письмах поэта. Г.В. Чагин тоже пишет об активном участии Тютчева в политической жизни России, о поддержке им вступившего после поражения России в Крымской войне в должность министра иностранных дел А.М. Горчакова. Стремясь повлиять на российскую политику, Тютчев, по словам ученого, «нередко внушал ему [Каткову. – Т. Ф.] под видом горчаковских свои мысли»¹³.

В том же ключе трактуется наступившая в конце 1860-х годов взаимная отстраненность поэта и публициста. В комментариях к шестому тому Полного собрания сочинений Тютчева отмечено: Катков бывал излишне категоричен и прямолинеен в выражении своих взглядов. Влиять на него было крайне сложно. «Постепенно нараставшее несогласие Тютчева с Катковым, – пишет Л.Н. Кузина, – привело к окончательному охлаждению отношений в 1867 г., когда Аксаков возобновил свою издательскую деятельность. Не в “Московских ведомостях”,

⁷ Репников А.В. Русский консерватизм: Михаил Никифорович Катков. [Электронный ресурс]: URL: http://www.perspektivy.info/history/russkiy_konservatism/ (дата обращения: 19.10.2011).

⁸ Ванеян С.С. Катков Михаил Никифорович // Русские писатели. Биографический словарь. Т. 2: Г – К. – М.: Большая рос. энцикл., 1992. – С. 506–513.

⁹ Лебедев С. Катков Михаил Никифорович // Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. – С. 263–269.

¹⁰ Катков М.Н. Имперское слово / Составл., примеч. М.Б. Смолина; вступ. статья Ф. Селезнёва и М. Смолина. – М.: Москва, 2002. – С. 38.

¹¹ Пигарёв К.В. Ф.И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. Т. 19–21. – М.: Журн. – газетн. объединение, 1935. – С. 201.

¹² Кожин В.В. Пророк в своем отечестве. Федор Тютчев. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2002. – 510 с.

¹³ Чагин Г.В. Горчаков Алексей Михайлович. (1798–1883) // Ф.И. Тютчев. Школьный энциклопедический словарь / Сост. Г.В. Чагин. – М.: Просвещение, 2004. – С. 244.

а в “Москве” нашли отражение взгляды поэта на внешнюю и внутреннюю политику России»¹⁴.

Таким образом, сближение Тютчева с Катковым в начале 1860-х годов объясняется односторонне – стремлением первого повлиять на издательскую деятельность и публицистику второго. Эта позиция оставляет, на наш взгляд, недооцененной общность их взглядов, пристрастий и гражданственных устремлений. Был ли вызван интерес Тютчева к деятельности Каткова лишь возможностью использовать его издания в качестве рупора идей Министерства иностранных дел и стремлением повлиять на политику Российского правительства, или причина глубже, в их единомыслии и общности взглядов? Чем было вызвано последовавшее после 1866 г. отдаление двух единомышленников? Действительно ли «нарастающее несогласие» в вопросах внутренней и внешней политики России предопределило взаимное отдаление поэта и издателя?

Попробуем взглянуть на вопрос, расширив поле зрения за счет более полного раскрытия содержания деятельности Каткова. Опираясь на публикации последних лет – полной переписки Тютчева, исследований его творческого наследия, материалов о жизни и литературной деятельности Каткова, – сопоставим отношение двух выдающихся деятелей непростого момента русской истории к самым животрепещущим проблемам современности. Надеемся, что проведенный анализ поможет до некоторой степени восполнить пробелы в раскрытии темы «Тютчев и Катков».

Вопрос о печати

Тираж возглавляемого Катковым журнала «Русский вестник» быстро рос. В конце первого года его издательской деятельности 28 ноября 1856 г. И.С. Аксаков писал родителям из Харькова: «Сочувствие к “Русскому Вестнику” в провинции растет все сильнее и сильнее и ослабляет влияние Петербургских журналов». Успех журнала особенно ценен для Аксакова тем, что заслужен «не дрянными повестями и рассказами, не задором критики, а больше всего тем, что отзывался на все живые современные вопросы»¹⁵. С 1863 г. Катков вернулся к редактированию газеты «Московские ведомости». С этого момента его имя стало известным в самых широких кругах. Его знали как автора ярких публицистических статей, в которых обсуждались самые острые вопросы российской действительности.

Личное знакомство поэта, жившего в Петербурге, с московским издателем и публицистом произошло, очевидно, во время поездки Тютчева, которая датируется 25 апреля – 1 мая 1859 г. Целью этой поездки, судя по содержанию писем Тютчева, было участие в заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете, действительными членами которого были, в числе других, его единомышленники М.П. Погодин и А.С. Хомяков. В письме к жене Эрнестине Федоровне от 27 апреля Тютчев упоминает о том, что собирается обедать вместе с ними у общего приятеля писателя Н.Ф. Павлова и там «будет редактор “Русского вестника”» (5; 291). Судя по письмам, встрече с представителями московской печати Тютчев придавал большое значение.

После состоявшегося знакомства Катков становится одним из адресатов Тютчева, к которому тот обращается с развернутыми, подробными посланиями. Эти письма посвящались определению позиции российского правительства, в условиях «приближающегося европейского кризиса», во внешней и внутренней политике. Они всегда завершались увере-

¹⁴ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма: В 6 т. Т. 6. Письма 1860–1973 / Отв. ред. Л.Д. Громова-Опульская. – М.: Классика, 2005. – С. 436. Далее ссылки на это издание обозначены в тексте статьи указанием тома и страницы в круглых скобках.

¹⁵ Аксаков И.С. в его письмах. Т. 3. Письма 1851–1860 гг. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1892. – С. 305.

ниями в уважении к адресату и выражением душевной преданности. Расположение поэта было так значительно, что он предлагал Каткову в планируемый им летом 1866 г. приезд в Санкт-Петербург «сделать честь и особенное удовольствие», остановившись в его доме (6; 159). Очевидно, что такое предложение не могло поступить человеку, в котором Тютчев был заинтересован лишь как в рупоре своих идей. В нем, как и в тоне письма, ощутимо выражение теплого дружеского чувства.

Нередко имя Каткова упоминалось также и в письмах к другим адресатам, самым близким поэту лицам, жене Эрнестине Федоровне и дочери Анне, А.М. Горчакову и А.И. Георгиевскому. Неизменно в первой половине 1860-х годов Тютчев отзывался о Каткове как о «симпатичной личности», «прекрасном человеке», в котором «непреклонность духа и большая проницательность ума трогательно сочетаются с превосходным нравом» (6; 29–37). Всегда давалась высокая оценка профессиональной деятельности Каткова и оказывалась поддержка при возникновении конфликтных ситуаций во время выносимых властями предостережений и запретов в адрес газеты «Московские ведомости».

С моментом вступления на престол Александра II в общественных кругах России все отчетливее формируется недовольство политикой государства по отношению к печати. Шел, по словам Б.Н. Тарасова, «своеобразный поиск адекватного отношения к нарождавшимся в России феноменам общественного мнения, гласности, свободы журналистики» (3; 490). Ф.И. Тютчев был одним из первых, кто обратил внимание властей на этот вопрос¹⁶. «Письмо о цензуре в России» (1857) было представлено министру иностранных дел А.М. Горчакову и, судя по сделанной рукой Эрнестины Федоровны надписи, прочитано императором (опубликовано лишь в 1873 г., когда поэт находился на смертном одре). В периодической печати Тютчев видел реальную силу, способную повлиять на решение острых политических вопросов. В частном письме Горчакову от 21 апреля 1859 г. поэт прямо говорил о том, что не только правительство, но и «сам государь» в создавшихся условиях «нуждается в более твердой точке опоры, в национальном сознании, в достаточно просвещенном национальном мнении» [выделено мною. – Т. Ф.] (5; 287). Печати придавалось значение силы, способной «противодействовать» тому направлению, которое служит интересам правительственной элиты и европейской коалиции государств в ущерб национальным.

Почти в то же время Катков, стремясь прояснить назначение цензуры и ее функции в обществе, становится автором нескольких записок, из которых нам известны две. Первая посвящена вопросу о духовной цензуре. Она была вызвана необходимостью объяснения по поводу опубликованной в 1858 г. в «Русском вестнике» анонимной статьи «Турецкие дела» (в результате изысканий историка-слависта С.А. Никитина было предположительно установлено, что принадлежала она перу А.В. Рачинского, известного в то время писателя и публициста, одного из соучредителей Славянского благотворительного комитета, хотя и подписана была буквой «Д.»¹⁷). В статье шла речь о двойном гнете, под которым оказались балканские славяне, турецких военных и чиновников, с одной стороны, и «фанариотских митрополитов и архиереев», назначенных Константинополем, – с другой. Главная опасность такого двойного притеснения, по мнению автора статьи, – в стремлении подавить нравственную и духовную жизнь народов. Препятствуя отправлению службы священниками из болгар, фанариоты попирают «священнейшее достояние – язык и народность»¹⁸. От Каткова по этому поводу потребовала объяснений церковная цензура, однако он доказывал неправоту этого требования, поскольку статья «Д.» не содержит богословских рассуждений.

¹⁶ О перипетиях этой деятельности см.: Г.В. Чагин, Л.Е. Петрова. Служба в российской цензуре // Литературоведческий журнал. – 2004–2005. – № 18. – С. 45–79.

¹⁷ Никитин С.А. Славянские комитеты в России. – М.: Изд. МГУ, 1960. – С. 188.

¹⁸ Никитин С.А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. – М.: Наука, 1970. – С. 186.

Назначение духовной цензуры автор видел в том, чтобы контролировать содержание сочинений с точки зрения их соответствия учению православной церкви. Придание же русской церкви изначально чуждых ей «инквизиционного начала и полицейского духа», по его мнению, значило «низводить ее на арену человеческих страстей и преходящих мнений, унижать ее достоинство, оскорблять ее характер, затемнять ее святую сущность и скоплять против нее напрасную горечь в умах»¹⁹.

Во второй подробной записке со ссылками на множество фактов из русской жизни и жизни других государств речь шла о роли официозной печати. Она была направлена в адрес тогдашнего министра народного просвещения Е.И. Ковалевского, вынесшего предостережение издателю «Русского вестника». В записке Катков «самым решительным образом высказался против правительственного вмешательства в журналистику путем субсидий, внушений и тому подобных средств». Она, по словам Р.И. Семент-ковского, оказалась столь убедительной, что «всякие дальнейшие меры против Каткова были признаны излишними»²⁰.

Ф.И. Тютчев в эти годы неоднократно в письмах к разным адресатам утверждал действительное для общества значение свободного печатного слова, выражающего глубинные, из народной среды идущие мнения и призванного обеспечить государственный прогресс. Эти мнения он считал важными и для государственных чиновников, и для верховной власти. В 1865 г., когда в правительственных кругах обсуждался новый закон о печати, поэт делился с А.И. Георгиевским своими горькими мыслями о том, что «вопрос о печати поставлен у нас криво и косо» и что у «большинства наших законодателей» по отношению к печатному слову «одни глупые страхи и невежественные предположения» (6; 93).

Самый большой вред запретительных, «полицейских» мер по отношению к печати поэт видел в том, что они препятствуют выработке в обществе осознанного неприятия ошибочных мнений и ложных теорий. Поэт сетовал на ложно поставленный вопрос о печати, на ошибочное его понимание не только в правительственных кругах, но и широкой общественностью. Общество далеко от знания истинного положения вещей, еще не сформировалось сознание того, что «всякое вмешательство власти в дело мысли не разрешает, а затягивает узел». Даже самые просвещенные люди, писал Тютчев, не замечают очевидного – запретительная политика приводит к тому, что «пораженное ею ложное учение – тотчас же, под ее ударами изменяет т<ак> с<казать> свою сущность и вместо своего специфического содержания приобретает вес, силу и достоинство угнетенной мысли» (6; 118). Поэт считал именно недалекновидную политику правительства в области печати одной из причин активного распространения в 1860-х годах в России нигилистического учения.

Природа нигилизма и результаты его воздействия на общественное сознание интересовали также и Каткова. На нежизнеспособность отрицания как мировоззренческой базы он обратил свое внимание в связи с публикацией на страницах «Русского вестника» романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (февраль 1860 г.). Нигилизм он считает большим злом, но предостерегает против всяких репрессивных мер. Подобно Тютчеву считает нигилизм болезнью, запрет без лечения может «сделать ее хроническою». Распространение нигилистических взглядов в молодежной среде связывал с деятельностью А.И. Герцена. Ошибочной он считал позицию издателя «Колокола» потому, что тот ограничивался «одною лишь скептической критикою», это «отражается самым невыгодным образом на молодежи и делает ее неспособною к полезной деятельности в сфере реальных интересов, вызванных самою жизнью». Наилучшим средством против нигилизма он считает «усиление всех положительных интересов общественной жизни»²¹.

¹⁹ М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность... – С. 31.

²⁰ Там же. – С. 31–32.

²¹ М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность... – С. 28.

Сам Катков был «неудобным» для властей издателем. Первый конфликт с властью предержащими возник у него еще до момента введения нового положения о печати. Недовольство в Министерстве внутренних дел вызвало опубликованное им в 1864 г. стихотворное послание «Другу Илье Ильичу» в первом номере приложения к «Русскому вестнику» «Новые стихотворения (1859–1863). А.Н. Майков». В стихотворении изобличалась недалёковидная политика, направленная на разрушение сложившихся устоев общества. В иронической форме восхвалялись возможные последствия нигилизма:

*И пусть кричат слепцы: ты деспот! ты тиран!
Не слушай! Это толк распущенных славян,
Привыкших к милостям и грозам деспотизма!
Тиран ты – но какой? Тиран либерализма!
А с этим можешь ты – не только все ломать,
Не только что в лицо истории плевать,
Но, тиская под пресс свободы, – половину
Всего живущего послать на гильотину!*²²

В стихотворении был создан сатирический портрет некоего чиновника и общественного деятеля, вращающегося в высшем свете и намеренного перестроить все «общественное здание».

Первоначально стихи Майкова вызвали замешательство председателя Московского цензурного комитета М.П. Щербинина. Он обратился за разрешением сложной ситуации к министру внутренних дел П.А. Валуеву, в ведении которого находилась тогда цензура. Не дождавшись ответа от своего руководителя, цензор разрешил публикацию. Редакции «Русского вестника» удалось убедить его в том, что стихи «не заключают в себе ни малейшего намека на какое-либо государственное лицо, а делается обращение к другу поэта, юному либералу, толкующему с товарищами и обнаруживающему бюрократические и лжелиберальные наклонности»²³. Валуев был недоволен решением Московского цензурного комитета. В своем письме он указывал на вредные «толки и недоразумения», которые могут быть вызваны намеками, заключенными в стихах. Ответственность за текст опубликованного послания легла и на редакцию журнала, и на Тютчева, под началом которого служил Майков.

М.Ф. Тютчева по этому поводу сделала следующую запись в дневнике: «Папá получил записку от Валуева, который требует объяснения стихотворения Майкова “Илье Ильичу”, в котором просвещенная публика видит государя описанного» (6; 445). В объяснении по поводу возникшего «недоразумения» автор стихов заверял, что в лице Ильи Ильича создал обобщенный образ распространенного в начале 1860-х годов «типа недоучившегося либерала». По его словам, в этом образе иронически высмеиваются черты молодых людей, утопистов, которые «мечтали устроить Россию по Фурье, по Луи Блану и воображали, что свободу и просвещение надобно вводить насильственными мерами». Именно такого недалёковидного реформатора высмеивал поэт в своем стихотворном послании²⁴. Тютчев как руководитель Майкова по службе, тепло к нему по-человечески относившийся, сопровождал адресованное Валуеву объяснение собственными суждениями, в которых опроверг подозрения

²² Майков А.Н. Соч. в 2 т. Т. 2. – М.: Правда, 1984. – С. 342.

²³ Там же. – С. 501.

²⁴ Ямпольский И.Г. К истории взаимоотношений Тютчева и А.Н. Майкова // Ф.И. Тютчев / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Гос. лит. Музей-усадьба «Мураново» им. Ф.И. Тютчева. – М.: Наука, 1989. – Кн. II. – С. 487.

в политической неблагонадежности поэта, называя обвинения «нелепыми» и «гнусными», «глупейшей выдумкой каких-то злопыхателей» (6; 68).

Только на этом дело не кончилось. Майков считал необходимым писать по поводу стихотворения к редактору «Русского вестника». Он объяснял трактовку своих иронических стихов как политического памфлета происками недоброжелателей самого Каткова. «Я уверен (и многие тоже), – писал поэт, – что вся интрига направлена против Вас». Далее он передал свой разговор с Валуевым, который мог быть причислен к высмеянному в стихотворении поколению «недоучившихся лжелибералов». Получив объяснения по поводу стихотворения, он в личной беседе с поэтом допытывался: не на него ли намек в образе Ильи Ильича? Не его ли имели в виду? Этот вопрос не остался без ответа. Не самому министру, а Каткову поэт пояснил: «Конечно, во многом и его»²⁵.

Негативное отношение к публикации стихов Майкова, таким образом, могло быть вызвано личным недовольством министра Валуева общественной позицией Каткова и враждебным отношением к нему лично. О том же свидетельствует письмо к Майкову его тетки из Москвы. Некоторое время спустя после инцидента она писала племяннику: «Как пояснил мне один мой знакомый, хотят таким неясным заключением подрывать яму Каткову, у коего много завистников»²⁶. Очевидно, что опубликованные Катковым стихи были удобным поводом к тому, чтобы воздействовать на него и других слишком, на взгляд правительственных чинов, самостоятельных и решительных в своих выступлениях московских журналистов.

Благодаря дружескому участию Тютчева конфликтная ситуация благополучно разрешилась. Очевидно, что его поддержка была оказана не только Майкову, чью репутацию как автора стихов, показавшихся в правительственных кругах опасными, пришлось защищать, но и Каткову как издателю сборника, к которому поэт в июле 1864 г. снова обращался со словами поддержки, называя его «лучшим представителем русской гласности» (6; 72–73).

6 апреля 1865 г. состоялся высочайший указ Правительствующему Сенату, который при поверхностном взгляде на его содержание должен был переменить ситуацию к лучшему. Этим указом предоставлялось право повременным изданиям выходить без предварительной цензуры, но вместе с тем вводилась система так называемых «предостережений», заимствованная из практики французского закона, введенного министром Персины²⁷. В России эта система обернулась еще большим злом для печати. Предостережения и запреты посыпались, как из рога изобилия. Они относились не только к изданиям либерально-демократической направленности, как журнал «Современник», редактируемый в то время Н.А. Некрасовым, но и к тем, что могли служить лишь укреплению монархической власти в России (журнал «Русский вестник» и газета «Московские ведомости» М.Н. Каткова; газеты «День» и «Москва» И.С. Аксакова).

Катковым вмешательство в его издательское дело в виде предостережений и запретов было воспринято болезненно, он намеревался отказаться от него вовсе. В этой ситуации чрезвычайно значимой оказалась поддержка Тютчева.

Тютчев и впредь оказывал негласное содействие в издательской деятельности Каткова. Он прикладывал усилия к тому, чтобы сохранить «Московские ведомости», когда газета в 1866 г. оказалась под угрозой закрытия. В письме к Георгиевскому поэт говорил о том, что газета имеет «огромное значение для общего дела» и обладает большим влиянием на читающую публику, о том, как важно, чтобы она продолжила свое существование именно под руководством Каткова. С ней он связывал распространение истинного понимания роли печати

²⁵ Там же. – С. 490.

²⁶ Там же. – С. 492.

²⁷ Чулков Г.И. Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой // Мурановский сборник. – Мураново: Изд. Музея им. поэта Ф.И. Тютчева, 1928. – Вып. 1. – С. 9.

в обществе, способного предотвратить возвращение в русскую жизнь николаевской реакции. Насильственное подавление мысли, по словам Тютчева, только раздражает и усиливает общественное зло (6; 145). Цензурные санкции он считал противоречащими «всякому национальному чувству, всякому национальному стремлению», «положительному направлению всей правительственной системы» (6; 135).

Репрессии по отношению к «Московским ведомостям» поэт трактует как проявление силового воздействия на печать в целом. Возвращение Каткова к редактированию газеты, после небольшого перерыва, им приветствуется как общественно значимое событие. Обращаясь к нему в письме от 5 июля 1866 г. Тютчев пишет: «...благодаря вам наконец у нас – и в нашей правительственной среде – сила печатного слова не как факт только, но как и право...» (6; 159–160).

Из переписки Тютчева мы видим, что заинтересованность в деятельности Каткова с годами не убывала. Он неизменно отмечал успехи публициста, хотя и сетовал на излишнюю категоричность его суждений. В вопросе о печати Тютчев и Катков были единомышленниками. Каждый отстаивал ее независимость доступными ему средствами, первый – как политик, используя свое влияние при дворе, второй – в издательской практике.

О российской государственности

Понимание Тютчевым основ российской государственности было выражено в ряде публицистических статей, написанных и анонимно опубликованных в Европе на французском языке в 1840-х годах. В России четыре его статьи «Россия и Германия», «Россия и революция», «Римский вопрос», «Письмо о цензуре в России» впервые увидели свет лишь в 1873 и 1886 гг. в номерах «Русского архива». Идея Тютчева о российской государственности основывалась на триединстве, составлявшем основания национального консерватизма, и некогда сформулированном С.С. Уваровым как «Православие – Самодержавие – Народность». «В понимании поэта единство веры, государства и народа в монархическом правлении, – пишет Б.Н. Тарасов, – предполагало в идеале развитие всех сторон социальной, экономической и политической жизни, при котором разные слои общества не утрачивали бы ее духовного измерения...»²⁸.

В начале 1863 г., когда Катков приобрел право на издание «Московских ведомостей», вопрос о российской государственности рассматривался им в целом ряде передовиц, представивших систему взглядов издателя газеты. О катковской концепции государственности говорят уже названия его статей: «Самодержавие царя и единство Руси», «Истинный и разумный патриотизм», «О свободе совести и религиозной свободе» (все – 1863 г.). Первая из перечисленных нами статей была посвящена открытию «новоустроенной городской Думы в Москве», которую автор статьи счел «началом единения сословий в общественном деле»²⁹, в условиях, которые в связи с польским восстанием, были очень неблагоприятны. Катков высоко ценит гражданское чувство москвичей, поддержавших императора в его действиях по преодолению наступившего кризиса. «В ком живо сказалось единство Отечества, в том с равной живостью и силой сказалась идея Царя; всякий почувствовал, что то и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила»³⁰. Олицетворением российской государственности, по мысли Каткова, является Царь, воля которого в идеале является воплощением воли народа. Рассуждая о преданности россиян своему отечеству, автор статьи об истинном и разумном патриотизме замечает, что выражаться она должна не в готовности погибнуть, а в действиях,

²⁸ Тарасов Б.Н. Историческая основа публицистики Ф.И. Тютчева... – С. 298.

²⁹ Катков М.Н. Имперское слово. – М., 2002. – С. 109.

³⁰ Там же. – С. 110–111.

обеспечивающих безопасность государства. Истинный патриотизм – «в решимости подвергнуть себя заблаговременно некоторым тягостям и лишениям, чтобы поддержать честь и права своего народа...»³¹. Именно к такому – разумному – патриотизму призывает автор статьи своих читателей.

В условиях, когда Европа требовала от русского правительства уступок польской аристократии, поднявшей восстание ради возвращения утраченной некогда государственной автономии страны и сохранения своих независимых прав, «Московские ведомости» заняли решительную позицию, выступив за сохранение целостности российского государства. Эта позиция была поддержана широкой общественностью, о чем говорит возросший в два раза в течение года тираж газеты.

И в этом вопросе Тютчеву была близка позиция Каткова. В октябре 1864 г. он писал из Женевы к Георгиевскому и его жене о прочитанных в «Московских ведомостях» статьях по поводу брошюры барона Ф.И. Фиркса, выступившего под псевдонимом Шедо-Феротти, «Que fera-t-on de la Pologne? (Что будет с Польшей?)». В брошюре, как известно, были изложены предложения западнически настроенной правительственной оппозиции по изменению государственного статуса Царства Польского – о предоставлении ему ограниченной автономии. Статьи Каткова содержали близкие Тютчеву идеи целостности Российского государства как оплота единения всех славян. По поводу прочитанных статей поэт писал: «Удар был электрический. Все было прочувствовано и оценено – и художественное мастерство отделки, и самая сущность содержания. Благодаря этим двум статьям французская брошюра превратилась в огромную услугу, оказанную русскому чувству и русскому делу...» (6; 81, 450).

В России же опубликованные Катковым статьи навлекли на газету цензурные преследования и штрафы. В этих обстоятельствах, как пишет Л.Н. Кузина в комментариях к письму Тютчева от 14 января 1865 г. из Ниццы, А.И. Георгиевский обратился к поэту «с воплями о помощи свыше, подробно описав ему все истязания и пытки», которым была подвергнута редакция «Московских ведомостей» (6; 453). Конфликт Каткова с властями Тютчев считал очень нежелательным именно потому, что высоко было общенациональное значение газеты и выражаемого в ней общественного мнения.

Тютчев, как известно, всегда подчеркивал вынужденность карательных мер по отношению к польским повстанцам. Считал, что восстание было вызвано ложными силами, и поддержку его народом – заблуждением. В этом роде он неоднократно высказывался в письмах к частным лицам и в поэтических произведениях.

Любопытна в этом смысле история стихотворения «Его светлости князю А.А. Суворову» (1863). Стихотворение обращено к петербургскому военному генерал-губернатору, внуку великого русского полководца. Речь в нем идет о подавлении польского восстания под предводительством М.Н. Муравьева, назначенного весной 1863 г. генерал-губернатором шести северо-западных губерний с чрезвычайными полномочиями. Подавление восстания оценивается Тютчевым как важнейшее государственное дело, послужившее сохранению целостности России, в разрушении которой были заинтересованы западные державы, поддерживавшие восстание польской аристократии. Поэт с иронией отнесся к резкому выражению князем Суворовым неприятия решительных действий Муравьева.

В стихотворении «Ужасный сон отяготел над нами...» (август 1863 г.) поэт писал:

Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь.
Притон разбойничий в доме молитвы,
В одной руке распятие и нож.

³¹ Там же. – С. 126–127.

В этих строчках – намек на поддержку мятежа римской католической церковью. Закончил поэт стихотворение выражением уверенности в том, что в противостоянии прагматичному Западу – великое предназначение России:

*О край родной! – такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей! (2; 121).*

Для Тютчева единство России и ее предназначение во многом обусловлено чистотой сохраненной исторически православной религии. Именно это ставит российское государство на особое место в отношениях с другими славянскими народами, в которых чистота веры была значительно поколеблена в результате наступательных действий европейских держав с католическим вероисповеданием. (Значение православия как основы мирозерцания поэта активно изучается в последнее время В.Н. Аношкиной-Касаткиной, М.М. Дунаевым, А.Л. Казиным, Б.Н. Тарасовым, М.А. Розадеевой и другими учеными.)

Катков в своих публицистических высказываниях и в последующие годы продолжал придерживаться самостоятельной позиции, которая далеко не всегда совпадала с правительственной. Имеется немало фактов, опровергающих закрепившееся в исторической науке убеждение в том, что он «твердо веровал в правильность политики русского правительства»³². Известно, что со страниц «Московских ведомостей» звучали слова поддержки освободительной борьбы южных и западных славян, отстаивавших свою национальную независимость, выражалась забота о возможности для каждого народа наладить самостоятельную жизнь на той земле, которая ему исторически принадлежала. Так, в майском выпуске газеты за 1867 г. было высказано мнение относительно стремления добившегося некоторых автономных прав сербского правительства подчинить себе болгар. Поглощение одного славянского народа другим Катков считал недопустимым, союз народов представлял как равноправное единство «в однообразном устройстве военной силы и в военной конвенции». Не исключал он и союза славянских народов в границах единой государственности, замечая при этом, что время такого союза не настало, «более тесный союз вызвал бы теперь непреодолимые трудности...»³³. В том же 1867 г. в статье «Неразрывная связь русского народа с Верховной властью» писал: «В России не могло бы возникнуть никаких внутренних недоразумений и опасностей, если бы всё, что живет в ней, было одушевлено русским гражданским чувством, и если бы политика постоянно следовала только тем побуждениям и идеям, которые из этого чувства черпаются»³⁴.

Правительственные предостережения изданиям Каткова были вызваны именно тем, что причины многих современных бед он находил в ошибочной политике правительства. Так, о причинах польского восстания, а затем и покушения на императора русскими нигилистами он писал: «Где был истинный корень мятежа, – в Париже, Варшаве, Вильне? Нет, – в Петербурге!»³⁵ Столь смелые речи не могли остаться без последствий: «Кончилось дело тем, – пишет биограф, – что Катков получил 6 мая 1866 г. второе предостережение, а

³² Никитин С.А. Цит. изд. – С. 234.

³³ Московские ведомости от 12 мая 1867.

³⁴ Катков М.Н. Имперское слово... – С. 203.

³⁵ Цит по: М.Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность... – С. 53.

на следующий день третье, и его издательская деятельность была приостановлена на два месяца»³⁶.

В отношении единства власти и народа взгляд Каткова был близок Тютчеву, которого распространение в либеральных кругах российского правительства антипатриотических настроений приводило в состояние тревоги и негодования. По словам поэта, в российском правительстве происходит губительное «охлаждение русского начала», которое неизбежно приведет к разрушению единства нации, катастрофическому отдалению царя от народа. «Мы видим теперь в России, – писал он в январе 1865 г. А.И. Георгиевскому, бывшему в то время сотрудником “Московских ведомостей”, – как все элементы, или нерусские по происхождению, или антирусские по направлению <...> селятся совокупиться в одно целое <...> в состав этой коалиции вошли, вопреки своей разрозненности, и польская шляхта, и остзейские бароны, и петербургские нигилисты, штатные или заштатные» (6; 90). Этому опасному для России и губительному для славянского мира в целом «совокуплению», по мысли Тютчева, активно противостояли «Московские ведомости», редактируемые Катковым. Поэт видел в публикуемых в газете «горячих» материалах выражение общественного мнения, силы, способной воспрепятствовать разрушению российской государственности изнутри.

Основным делом Каткова как издателя «Московских ведомостей» и публициста было утверждение положительных основ русской жизни и критика не самодержавия как такового, но реальной власти и реально действовавшего тогда правительства. И в этом он тоже сходил с Тютчевым. Их объединяло убеждение, что деятельность правительства должна быть направлена на укрепление исконных начал русской жизни. В сознании двух мыслителей национальное единство предопределяется подчинением частных интересов власти имущих общему интересу. Тютчев с сожалением замечает, что современное российское правительство далеко от идеала. В августе 1867 г. он писал дочери Марии: «В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию...» (6; 256). Его поддерживает Катков, отмечая: «Трон затем возвышен, чтобы пред ним уравнивалось различие сословий, цехов, разрядов и классов». Смысл монархической власти сводится, по его мысли, к служению народному благу, включая распространение «самого широкого самоуправления, которого может потребовать благо самого народа – *народа, а не партий*» [выделено мною. – Т. Ф.]³⁷.

Все вышесказанное убеждает, что Тютчев и Катков безусловно принимали самодержавие как принцип государственного устройства России, что не мешало им быть непримиримыми врагами правительственных лиц, которые вольно или невольно искажали его смысл.

О народном просвещении

Препятствование со стороны властей издательской деятельности М.Н. Каткова объясняется также и тем, что на страницах его изданий осуществлялась нелицеприятная критика Министерства народного просвещения. В критическом отношении к направлению, восторжествовавшему в деятельности Министерства в 1860-х годах, Тютчев и Катков тоже были едины. Так, Д.О. Воевода характеризует непростую ситуацию, возникшую в связи с издательской деятельностью Каткова, в следующих словах: «Тютчев своими связями и советами помогал редакции “Московских ведомостей” еще с 1864 г., когда над ней сгустились первые тучи из-за критики газетой министра народного образования А.В. Головнина, деятельность

³⁶ Там же.

³⁷ Славянофилы. Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. – С. 267.

которого расходилась с консервативной позицией газеты. Тютчев, одно время служивший под началом Головнина, тоже был настроен к нему критически»³⁸.

О критическом отношении Ф.И. Тютчева к деятельности Министерства народного просвещения мы знаем из его писем. В частности, 7 октября 1863 г. он призывал Каткова еще более решительно изобличать «зловредности теперешней системы <...>, в отношении к которой может быть только одно сомнение: безумие ли это или преднамеренное предательство» (6; 48). Поэт выражал надежду, что журнальная деятельность Каткова и его прямое обращение к правительству послужит усовершенствованию системы народного просвещения в России. Для этого у него были все основания: в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике» одна за другой публиковались статьи, касающиеся вопросов образования.

С начала 1860-х годов в России активно обсуждалась необходимость в реформировании образования. Заинтересованность в этом вопросе выказали и консерваторы, и прогрессисты, славянофилы и сторонники западнической идеологии. В обществе, в печати, в правительственных учреждениях обсуждались произошедшие изменения в системе преподавания среднего образовательного звена. Полемика о школьной реформе была вызвана нововведениями предыдущего десятилетия, когда Уставом школы 1849 г. «были ниспровергнуты гуманитарные основания средней школы», а с 1852 г. «был изгнан греческий язык почти из всех гимназий»³⁹. В результате этого народное образование получило направленность узкопрагматическую.

Своеобразным итогом дискуссии стал сборник статей «Наша учебная реформа» (1890), опубликованный по инициативе и на средства С.П. Фишер с предисловием и примечаниями Льва Поливанова. В сборник вошли статьи Каткова по вопросу образовательной реформы, в приложении опубликованы статьи И.М. Муравьева-Апостола «Русское воспитание и обучение в начале нашего века» (Письма из Москвы в Нижний Новгород. – 4-е письмо) и Т.Н. Грановского «Ослабление классического преподавания в гимназиях и неизбежные последствия этой системы» (написана в 1855 г.).

Основу этого уникального издания составили статьи Каткова 1864–1871 гг., ранее собранные им самим и помещенные в шестом номере журнала «Русский вестник» за 1879 г. В сборник были включены также труды его предшественников и современников, явившихся, по выражению автора вступительной статьи Поливанова, носителями «постоянной глубокой думы лучших людей нашего отечества» о состоянии народного просвещения в России⁴⁰. Эпиграфом к сборнику статей послужили замечательные слова Софии Фишер: «Побуждением предложить русскому обществу ряд статей Михаила Никифоровича Каткова по учебной реформе было для меня, с одной стороны, чувство благоговения к памяти покойного, с другой – горячее желание блага просвещению родной страны»⁴¹.

Статья Муравьева-Апостола посвящена утверждению первостепенного значения классического образования и изучения родной словесности не только для формирования достойно образованной личности, но для воспитания человека, осознающего сопричастность всему наследию родной культуры и искусства. Такой тип образования автор статьи считает служащим национальному самосознанию личности. Среднее звено образования, по его мнению, предназначено для обогащения памяти отрока предметами, которые «питают

³⁸ Воевода Д.О. «И в Божьем мире то ж бывает...» // Ф.И. Тютчев. Школьный энциклопедический словарь / Сост. Г.В. Чагин. – М.: Просвещение, 2004. – С. 86.

³⁹ Поливанов Л. Предисловие // Катков М.Н. Наша учебная реформа: С приложениями / Предисл. и примеч. Л. Поливанова / Изд. С.Н. Фишер. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1890. – С. 8.

⁴⁰ Там же. – С. 3–5.

⁴¹ Там же. – С. 1.

душу, располагают сердце к добру и укрепляют разум <...>. Отрочество не расположено к холодному умствованию – оно расположено к памяти и воображению»⁴².

Положительный пример соответствующей постепенному взрослению человека образовательной системы автор статьи видит в Англии. Здесь средняя школа предполагает не преподавание наук, а «приуготовление к наукам, вкус к изящному и красноречие», «воспитание ума и воображения», тогда как высшая – дает специальное научное знание. Цели воспитания чувств, направления детской фантазии и воображения в безопасное, нравственное русло, по мысли Муравьева-Апостола, служит изучение древних языков и поэзии, родного языка, истории, географии, геометрии⁴³. Слабость образовательной системы в России он видел в том, что она базируется на изучении новых языков и точных наук. В результате того что из программ изъяты знания древних языков и истории, основ национальной словесности, вместо формирования глубокой самостоятельно мыслящей личности воспитывался «внешний блеск».

В статье Грановского был подвергнут критике циркуляр о народном образовании 1851 г., предлагающий ввести «новое распределение учебных предметов» с приоритетом естественных наук. Выражая общее мнение профессоров Московского университета, автор статьи отстаивал ущемленное в правах гуманитарное знание. Он говорил об успехах науки и образования предыдущих десятилетий, в которые русское просвещение было возвращено «к коренным началам русской жизни»⁴⁴. Самым главным недостатком современного ему образования Грановский считал односторонность: «Задача педагогики состоит в равномерном (гармоническом) развитии всех способностей учащегося <...>, естествознание, отрешенное от учений, имеющих предметом духовные стороны бытия, неминуемо приводит к материализму» и «не в состоянии удовлетворить нравственным потребностям человека»⁴⁵.

Каткову были близки мысли Муравьева-Апостола и Грановского. В своих статьях он настаивал на сохранении традиционного для России классического образования, утверждал необходимость возвращения классической гимназии в том виде, в котором она является первой ступенью высшего образования. Именно классическое образование, по его твердому убеждению, дает государству людей умственно зрелых в сферах научной, учебной, медицинской, судебной, административной деятельности. Именно оно будет служить сближению российского образования с европейским.

Активно включившись в полемику о школьной реформе, Катков подчеркивал государственную и национальную значимость поставленного вопроса. Объясняя своим оппонентам личную заинтересованность в вопросе, он писал: «Не кто-либо потеряет или выиграет от устройства наших учебных заведений – потеряет или выиграет Россия, русское правительство, русское общество, русский народ. <...> Педагогическое дело есть сеяние, и жатва его восходит лишь по прошествии многих лет. Время и силы, погибшие вследствие какой-либо ошибки, вкравшейся в основание педагогического дела, ничем не вознаградимы»⁴⁶.

Спор о состоянии образования в России Катков понимает вовсе не как соревнование между классическим и «реальным» направлениями. Цель широкого, повсеместного распространения в стране классических гимназий он объясняет так: «...требуется, чтобы поднялся

⁴² *Муравьев-Апостол И.М.* Русское обучение и воспитание в начале нашего века // Катков М.Н. Наша учебная реформа: с приложениями... – С. 145–150.

⁴³ Там же. – С. 148–149.

⁴⁴ *Грановский Т.Н.* Ослабление классического образования в гимназиях и неизбежные последствия этой перемены // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. – М.: Просвещение, 1987. – С. 427.

⁴⁵ Там же. – С. 431.

⁴⁶ *Катков М.Н.* Значение классической школы как общеобразовательной // Московский вестник. – 1864. – № 205. Цит. по: Катков М.Н. Имперское слово... – С. 173.

уровень нашего умственного образования и чтобы вообще наука пустила корни в нашей почве»⁴⁷.

В последующих статьях Катков отстаивает принципы классического образования, приводя примеры школьного устройства в европейских странах, где обучение детей в гимназиях зиждется на древних языках. Он утверждает в качестве основной цели среднего образования воспитание ума: «...в школе воспитываются дети для того, чтобы они вместе со своим физическим возрастом и умственно могли быть способными как для наук, так и для всякой серьезной умственной деятельности»⁴⁸. Изучение древних языков в качестве основного предмета в средней школе обосновывается тем, что они требуют от ребенка сосредоточенности и внимания. Ребенок должен усвоить себе их логику, освоив языки, приобщается к историческому миру, лежащему в основании современной цивилизации. Юный ум знакомится со всеми родовыми оттенками человеческой мысли и духовной организации человека.

Среднее образовательное звено Катков считал «корнем науки», его назначение видел в подготовке учащихся к овладению специальным знанием, в развитии ума, воспитании собранности и сосредоточенности. Основа этого приготовления – системное изучение словесности и элементарная математика. Такая школа основывается на объективном предмете и дает не столько знание, сколько развитие умственных способностей. «Она приучает к труду и, развивая способности к нему, делает его легким, – пишет Катков. – Напрягает и изнуряет силы только многопредметная школа или неправильно односторонняя, при сосредоточении занятий, например исключительно на математическом элементе»⁴⁹.

В своей деятельности Катков предпринимал попытки практической реализации своего взгляда на образование. В 1868 г. им и его другом профессором латинской словесности Московского университета П.М. Леонтьевым был основан Лицей цесаревича Николая. В историю он вошел под именем «катковский лицей». Учебная программа лицея была основана на религиозном просвещении, изучении древних языков и математики. Обучение предполагало индивидуальный подход, при котором самостоятельную работу воспитанника организовывал преподаватель и наблюдал за ней педагог-наставник. Назначение классического образования Катков видел в противостоянии падению образовательного уровня в вузах, по его словам, забитых «толпами полуграмотных мальчишек, не способных ни к чему отнестись критически, не способных продержать две минуты одну и ту же мысль в своей голове...»⁵⁰.

Известны отрицательные отзывы Тютчева о деятельности Каткова и Леонтьева как учредителей Николаевского лицея. Но относились эти отзывы скорее не к самой образовательной системе, а к способу ее реализации.

* * *

Во второй половине 1860-х годов Катков перестает быть одним из основных адресатов в переписке Тютчева, однако из писем же и следует, что произошедшее охлаждение вызвано скорее личными причинами, чем мировоззренческими. Вряд ли можно разделить точку зрения исследовательницы В.А. Твардовской, которая пишет, что с годами они расходятся во взглядах, в связи с чем «высказывания поэта о московском публицисте становятся все более неприязненными, отрицательное отношение к нему – более определенным»⁵¹. Это охлажде-

⁴⁷ Там же. – С. 175.

⁴⁸ Этому вопросу посвящена отдельная статья Каткова: Концентрация гимназии не может быть ни на каком предмете, кроме древних языков // Московский вестник. – 1864. – № 238; Цит. по: Имперское слово... – С. 181.

⁴⁹ Там же. – С. 277.

⁵⁰ Цит. по: Измestьева Г.П. Михаил Никифорович Катков // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 86.

⁵¹ Твардовская В.А. Тютчев в общественной борьбе пореформенной России // Ф.И. Тютчев: pro et contra / Сост., вступ.

ние отношений было обусловлено скорее личными качествами Каткова, чем его убеждениями. Именно его неспособность к компромиссу, резкость и категоричность суждений со временем стали, по мнению Тютчева, мешать общему делу. Тон публикаций «Московских ведомостей» ставило под угрозу существование популярных и важных для выражения и развития общественного сознания в России изданий.

В письмах Тютчева этого периода звучат отголоски их взаимного недовольства. Не сразу смирился Катков с инициированным Тютчевым уходом из редакции «Московских ведомостей» Георгиевского, в письме к которому от 3 сентября 1866 г. Тютчев пишет: «Надеюсь, что расставание ваше с Катковым и Леонтьевым будет мирное и любовное, и что они примирятся наконец с мыслью вашего отпадения...». Далее по поводу страстного нежелания редакторов отпустить ценного сотрудника писал: «Есть же минуты страсти, когда и умные, и неумные люди становятся совершенно на один уровень» (6; 179).

Катков недоволен тем, что поэт не считал нужным скрывать ставшее ему известным содержание его тайной переписки с М.Н. Муравьевым о следствии по делу Каракозова. Взаимное недовольство Тютчева и Каткова было, насколько можно судить по их письмам, спровоцировано третьими лицами. Об этом поэт прямо говорит в письме от 8 мая 1867 г.: «Не знаю, вследствие каких сплетней – вольных или невольных – вы могли, почтеннейший Михаил Никифорович, заподозрить меня в таком фантастическом извращении всех моих понятий и убеждений касательно Вас...». Причина возникшей неловкости, по словам поэта, – «прекуриозное недоразумение». Заканчивается письмо обычным для автора уверением в «неизменном, глубоко сознательном уважении и совершенно искренней преданности» адресату и надеждой на прояснение ситуации при личной встрече (6; 226–227).

Несмотря на взаимное недовольство, Тютчев считал необходимым защитить Каткова от резкой критики П.А. Вяземского, который в стихотворении «Хлестаков» (1866) создал карикатурный образ, намекающий на личность издателя «Московских ведомостей». Герой стихотворения высмеивался за «самохвальство», желание поучать общество и правительство, присвоение себе ничем не ограниченного права судить о важнейших вопросах внешней и внутренней политики России, ложную популярность в обществе:

*Всё знает, всех всему он учит.
Кого не взлюбит – страшен он;
Когда листок его получит,
Бледнеет сам Наполеон.*

*Всё это вздор, но вот что горе:
Бобчинских и Добчинских род,
С тупою верою во взоре,
Стоят пред ним, разинув рот,*

*Развеса уши, и внимают
Его хвастливой болтовне,
И в нем России величают
Спасителя внутри и вне⁵².*

Известно, что Тютчев порицал Вяземского за резкость и необъективность оценки деятельности Каткова. А.И. Георгиевский цитировал присланное ему письмо поэта, написан-

статья и коммент. К.Г. Исупова. – СПб.: РХГИ, 2005. – С. 786.

⁵² Вяземский П.А. Избранные стихотворения / Ред., статья и коммент. В.С. Нечаевой. – М.; Л.: Academia, 1935. – С. 466.

ное 3 сентября 1866 г.: «Здесь все друзья князя огорчены этою *неуместною выходкою*, и вот вам несколько строк, определивших экспромтом мое впечатление по этому поводу» [выделено мною. – Т. Ф.]⁵³. К письму прилагались стихи, которые предназначались для печати при условии неполного обозначения авторства – буквами «Ф. Т.». Это было стихотворение «Когда дряхлеющие силы...», в котором поэт выразил неприятие раздраженного чувства стареющего человека по отношению к прославленному «обновляющимся миром» новому герою. Он пишет о «малодушных укоризнах», «чувстве затаенной злости» и «сварливом старческом задоре» как о «позорных» проявлениях человеческой природы. При этом считает ревностность к славе вновь пришедшего на арену борения идей и мнений естественным чувством, которому не следует давать ходу. Стихотворение начинается словами:

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать, –*

*Спаси тогда нас, добрый гений.
От малодушных укоризн.
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь... (2; 162).*

В них не случайно употреблено местоимение «мы», именно оно переводит смысл текста на уровень обобщения. По справедливому замечанию Т.А. Алпатовой, как это часто бывало у Тютчева, стихотворение, написанное «на случай», приобрело «и более широкое значение, вписываясь в ряд художественных размышлений поэта о скоротечности жизни и о том, что несет человеку старость»⁵⁴.

Позднее поэт вполне обоснованно был недоволен тем, что стихи вошли в первый его сборник, подготовленный к печати в 1868 г. В нарушение его авторской воли стихотворению придавалось значение личного выпада против человека, чувствами которого он дорожил. Оно было опубликовано под данным издателями, а не автором названием «Еще князю П.А. Вяземскому». Тютчев предпринял решительные действия к тому, чтобы изъять текст из уже опубликованного издания, но не потому, что был недоволен качеством самого текста, на что он указывал в своих письмах к близким людям.

Содержание писем поэта, написанных в конце 1860-х годов, позволяет предположить, что охлаждение его отношения к Каткову, если оно и было, скорее вызвано личностными причинами. Направление мысли и общественная позиция оставались для них общими. В частности, в письме Тютчева к И.С. Аксакову от 9 сентября 1868 г. содержалась положительная оценка «решительной инициативы Каткова», включившего в передовые статьи «Московских ведомостей» отрывки и цитаты из опубликованной в Праге брошюры Ю.Ф. Самарина «Окраины России».

Критика Катковым деятельности или бездеятельности российского правительства вполне отвечала убеждениям Тютчева. Он решительно осуждал утрату многими из его членов духовной связи с народом, стремление к идейной монополии, упование на «материальную силу» – те болезни власти, которым поэт противостоял всеми доступными ему средствами. Эти отклонения от идеала и препятствовали, по его мнению, исполнению основной

⁵³ Из воспоминаний А.И. Георгиевского // Литературное наследство. Т. 97: В 2 кн. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. – М.: Наука, 1989. – С. 153.

⁵⁴ Алпатова Т.А. «Когда дряхлеющие силы...» // Ф.И. Тютчев. Школьный энциклопедический словарь / Сост. Г.В. Чагин. – М.: Просвещение, 2004. – С. 98.

– всеславянской – миссии России. Катков по-своему служил той же самой цели, действуя самостоятельно и, судя по содержанию переписки, нередко противоречил не только политике правительства, но и намерениям стремившегося направить эту критику в безопасное для газеты русло Тютчева.

Судя по заверению В. Кожина, «Тютчев, несмотря на некоторые точки соприкосновения с Катковым, никогда не был его единомышленником, а в целом ряде важнейших моментов самым решительным образом расходился с ним»⁵⁵. Проанализированные нами материалы говорят как раз о том, что «точки соприкосновения» в мировоззрении того и другого были очень значимыми. Для нас очевидно, что недовольство Тютчева Катковым было обусловлено резким неприятием его личностных качеств, а отнюдь не убеждений.

В глубине мировоззрения и во взглядах на государственную политику Катков был близок Тютчеву прежде всего утверждением идеи национального права. Их общая позиция определялась также теоцентризмом философских взглядов и пониманием органичной природы единства общества и государства.

В современной науке эта позиция осмыслена как консервативная. Консерватизм как идеология основывался на убеждении в необходимости «сохранения и сбережения универсальных, вечных ценностей»⁵⁶. Его позитивный исторический смысл в культурно-историческом пространстве России второй половины XIX в. состоял в противостоянии разрушительным тенденциям либерализма и социализма как основанных на «идеалах безрелигиозного гуманизма <...> и освобожденного от социальных пут (средневековых сословий и цехов) общества». Общинное сознание консерваторов является безусловной антитезой индивидуализму либералов⁵⁷.

Для Тютчева и Каткова важнейшими ценностями были христианство (православие) как основа государственной и национальной жизни, целостность России, обеспеченная политической соблюдением народного интереса. Тот и другой своим сознанием устремлен в будущее. Оба они видели его смысл не в разрыве с прошлым, а в развитии начал, искони определявших духовную культуру и общественно-политический строй российского государства.

⁵⁵ Кожин В.В. Цит. соч.

⁵⁶ Попов Э.А. Русский консерватизм: Идеология и социально-политическая практика. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2005. [Электронный ресурс] URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/popov/index.php/ (дата обращения 10.09.2012).

⁵⁷ Там же.

КАТКОВ КАК МЫСЛИТЕЛЬ

И.А. Едошина

Аннотация

Рассматриваются вопросы, связанные с научными интересами М.Н. Каткова, процессом их формирования. На основе биографических фактов устанавливается: первый интерес к научной деятельности был определен русской словесностью, в частности вопросами истории языка; одновременно активно занимается репетиторством, журналистской деятельностью, переводами – в основном для заработка. Стремясь углубить свои познания в области философии, поскольку филология и философия в его представлении были неразрывно связаны, Катков уезжает за границу – в Берлинский университет. На основе анализа его писем родным выявляется влияние философии Гегеля и Шеллинга. Указывается влияние «Философии Откровения» Шеллинга на формирование мировоззрения Каткова, который уехал за границу «из кружка Станкевича», а вернулся глубоко верующим человеком. Обосновываются защита Катковым магистерской диссертации по русской словесности, актуализация занятий философией, в частности философией досократиков. Выявляются причины, по которым Катков расстался с научной деятельностью, полностью погрузившись в журналистскую работу. На основе анализа «Очерков древнейшего периода греческой философии» представляются содержательные и методологические особенности научных воззрений Каткова, а также их оценка современниками.

Ключевые слова: научные интересы Каткова, биография, компаративистика, философия мифа и философия Откровения Шеллинга, древняя греческая философия, религия, оценка современников.

Yedoshina I.A. Katkov as a thinker

Summary. The problems connected with M.N. Katkov's scientific interests, the process of their shaping are examined. On the base of the biographical facts we established: the first interest in science was determined by Russian philology, in particular, by the issues on the history of language; at the same time he is actively involved in tutoring, journalism, translations – mostly for money. In an effort to extend his knowledge in the field of philosophy, since philology and philosophy in his view are inseparably linked, Katkov goes abroad – to Berlin University. Based on an analysis of his letters to relatives the influence of the philosophy of Hegel and Schelling is revealed. The influence of Schelling's «Philosophy of Revelation» on the shaping of Katkov's world-view, who went abroad from «the circle of Stankevich» and returned being a deeply religious man, is pointed out. The defense of Katkov's master's thesis on Russian philology, the actualization of study of philosophy, in particular, the philosophy of the pre-socratics are justified. The reasons of Katkov's giving up the scientific activity and his complete immersion in journalistic work are revealed. Based on the analysis of «Essays of the ancient period of Greek philosophy» the substantial and methodological peculiarities of Katkov's scientific views, as well as their assessment by his contemporaries are presented.

Я был знаком с Катковым во время моего пребывания в Москве. Это был человек в высшей степени цивилизованный, развитой, обладавший редким высоким умственным образованием. В этом Москвиче, страстно любившем все свое национальное, не было ничего восточного и еще менее варварского. Он никогда не принадлежал к слепым ненавистникам «гнилого Запада».

Своим воспитанием, своими вкусами, всею своею личностью, этот ярый защитник Славянства был западником, настоящим Европейцем.

А. Леруа-Болье

В советское время М.Н. Катков (1818–1887) был определен в реакционеры, черносотенцы и вычеркнут из культурного пространства России. Но и до октябрьского переворота 1917 г. в глазах либерально настроенной интеллигенции Катков подвергался резкой критике. Пожалуй, только В.С. Соловьёв из чуждого Каткову лагеря написал добрые слова (с огорчением замечают современные публикаторы, ссылаясь при этом на статью Соловьёва «Славянофильство и его вырождение», 1889 [17, с. 707]) об «опальном» журналисте и мыслителе в статье «Несколько личных воспоминаний о Каткове» (1897). Соловьёв отмечает, что он единомышленник с Катковым в метафизике [17, с. 627]. Одновременно он признается: «Но в то время, как я негодовал на Каткова, вдруг всплыл в моей памяти духовный облик этого человека, каким я знал его в лучшие минуты с его глубоким благочестием, сердечною добротой в личных отношениях и высоким пониманием христианских идей» [17, с. 632]. Значительную роль в становлении духовного облика Каткова, черты которого обрисовал Соловьёв, сыграли его научные интересы.

В 1834 г., закончив «приготовительный курс», М.Н. Катков был зачислен в Московский Императорский университет на словесное отделение философского факультета, которое с отличием закончил в 1838 г., получив степень кандидата (11 июня 1838 г.). Далее в течение года он занимался подготовкой к магистерскому экзамену по русской словесности, который успешно сдал в 1839 г., и затем, как пишет Р.И. Сементковский, «в течение восьми лет занимался исключительно ученой деятельностью, продолжая давать уроки в аристократических домах (Голицыных, Римских-Корсаковых, Талызиных. – И. Е.)» [16, с. 20]. Замечу, менее всего в 1839–1840 гг. Катков занимался научной деятельностью, полностью отдавшись журналистской работе. А вот уроки Катков действительно давал, но не только в аристократических домах, а и в домах много проще. Так, он готовил к сдаче экзамена на звание домашней учительницы будущую актрису Н.В. Рыкалову (1824–1914), блестящую исполнительницу ролей «классических старух» в пьесах А.Н. Островского на сцене Малого театра. Экзамен Рыкалова успешно сдала профессорам Московского университета Т.Н. Грановскому и И.И. Давыдову, даже поступила на службу в богатую семью Мельгуновых, но все-таки ушла в актрисы. Уроки не были призванием Каткова, но приносили определенный доход, позволяя хоть как-то сводить концы с концами в его наполненной журналистской поденкой жизни.

Собственно, до поездки в Германию Катков на досуге, коего оставалось совсем немного, если учесть, что он печатал статьи, рецензии и переводы (особенно стихотворные) в «Московском Наблюдателе», «Отечественных Записках», живо интересовался философией. Глубокие знания в области филологии и философии способствовали тому, что «непрерывная вереница переводов, больших критических статей и кратких рецензий отличалась такими богатыми, светлыми мыслями и таким необыкновенно блестящим стилем, что невольно останавливала внимание тех, кому были дороги интересы науки и литературы» [11, с. 143]. Однако журналистская работа пока не захватила всего Каткова, не стала смыслом творческой деятельности, хотя, видимо, все-таки сформировала те основания, благодаря которым журналистика в итоге победила в Каткове ученого. Но это все еще в будущем, а пока, думается, интерес к философии и, возможно, не утратившая актуальности защита магистерской диссертации активизировали его интерес к науке. Потому и Берлин был выбран не случайно: здесь находился университет, где читали лекции знаменитые философы # Г.В.Ф. Гегель (1770–1831) и Ф.В.Й. Шеллинг (1775–1854), где не так давно работал В. Гумбольдт (1767–1835), философ языка, заметивший, что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [4, с. 304]. Магистерская диссертация Каткова будет связана с изучением вопросов языковой фонологии в истори-

ческом аспекте. Напомню, именно с вопросов фонологии родился в Гумбольдте интерес к языку как феномену культуры.

В Германию Катков поехал через Петербург, отправился на собственные весьма скромные средства. Как вспоминал Н. Любимов, «Он имел в кармане, как рассказывал мне, всего 200 рублей, когда... пустился в путь» [10, с. 41]. 19 октября 1840 г. В этой дате заключена своя мистика: 19 октября – День Лицея. Эта дата Каткову, как, впрочем, и всякому образованному человеку в России XIX в., была хорошо знакома. В хрестоматийно известном стихотворении А.С. Пушкина «19 октября» (1825) есть строки:

Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Здесь все сошлось: первая статья, которую опубликует Катков в уже своем «Русском Вестнике», будет посвящена Пушкину (Русский Вестник. 1856. № 1, 2), а ее автор по убеждениям станет государственным, умеющим говорить и находить общий язык с царями. Но все это – в будущем, а пока Катков отправляется в Германию. Его ждет Берлин, университет. По прибытии в Берлин Катков записывается в слушатели университета. О том, что происходило с Катковым в Германии, он сообщал в своих письмах к родным. Эти письма помогают увидеть, как зарождается в Каткове интерес к философии. Письма, к счастью, сохранились, приведу выдержки, которые связаны с его обучением в университете [8].

«Лекции у нас кончились 5 марта. Здесь академический год не так, как у нас: здесь в году два семестра, совершенно отдельные – один зимний, другой летний; летний начнется в последних числах апреля и кончится в августе. В продолжение зимнего семестра я, слава Богу, выслушал целый курс логики, слушал прилежно, записывал, составлял лекции, теперь рассчитываюсь с собою. Живое и серьезное занятие философией, не так как прежде – пошлое, брошюрочное, благотворно и глубоко подействовал на меня. Но надобно еще много и много поработать мне: в течение каких-нибудь трех месяцев никакая сила не может овладеть таким предметом, # лекции же летели так быстро, так ярко, так ослепительно – ни на минуту нельзя остановиться и укрепиться. Надобно по крайней мере прослушать еще курс при помощи особенных уроков.

<...>

... я выбрал для слушания... один предмет – логику у Вердера... В половине семестра я присовокупил к логике и историю новой философии: оно и у Вердера это мне очень помогало в изучении логики, хоть я не слышал первой половины: от Декарта до Канта. Изучение логики вместе и дьявольски трудно, и божественно легко. Венец философии и всякого развития, начало и конец вселенной есть личность, абсолютная субъективность; все что существует – природа и история есть степени ее развития, момент ее целостности; но она прежде всякого развития и истории – через них только приходит к себе. Цель философии и цель логики проследить ее развитие в чистой мысли, в общем, в знании; тут мы присутствуем в первоначальном недре творения. Категории логики – души всего сущего (логос), все что после вышло быть и жить для себя. Изучение логики не есть, стало-быть, просто изучение: это сообщение с Творцом, высшее священнодействие; влияние его объемлет всего человека и на каждом шагу он должен становиться чище и достойнее.

<...>

Созерцание без труда диалектики (Шеллингова *Intellectuelle Anschauung* [интеллектуальное созерцание в наглядных проявлениях. – *И. Е.*]) хотя и объемлет в себе все содержание, но владеет им. Форма только тогда достигает своей истины когда перестает быть формой, для того кто прошел весь путь и объял всю целостность нет уже никакой важности в абстракции, он может начинать отовсюду – прекращается всякая формальность. В спекулятивном вдохновенном созерцании после диалектики открывается абсолютная личность с полным и раздельным знанием всех своих моментов. Личность есть последнее слово всей философии, – тут она оканчивается, но тут оканчивается и все конечное, тут все богатство и прошедшего и будущего, тут бесконечность, тут бессмертие, тут Бог и в Боге мы – как бы полная личность, оригинально отражающая божественную.

<...>

Скажу тебе несколько слов о Берлинском университете: Гегелева философия в нем оставалась долгое время, благодаря покровительству министров, интересовавшихся ею, процветала беспечно; теперь ей похуже и на нее смотрят недоброжелательно; может быть немножко потреплют ее, но это всегда обращается к пользе гонимого. ...На кафедру Ганса (философия права) был избран Шталь, обскурант и пиетист, который с самого начала объявил, что Гегелева философия есть змея подколотная, а что наука должна основываться единственно на предании и авторитете. За это его приветствовали шипением и шарканьем. Теперь... вызывается Шеллинг, может-быть с намерением для противодействия, а может-быть и не с тем; но, во всяком случае, истинные представители Гегелевой философии с любовью и радостью ждут его, благоговей перед его гением...

<...>

Лекций я взял немного у Шеллинга – философию мифологии, практическое изучение в музее истории живописи у Кушера и археологическое упражнение у Панофки. Преимущественно же я занимаюсь древними языками и особенно греческим, – хочется побольше успеть в них. Шеллинговы лекции имеют для меня великое значение, я слушал их с жадностью: столько глубокого, оригинального, поучительного! У меня открылись глаза на многое на что прежде были закрыты; много предчувствий моих уяснились и большая часть сомнений и вопросов моих получили по крайней мере более определенный вид. Я много трудился над Шеллинговыми лекциями и владею теперь лучшею тетрадью в Берлине, так что у меня со всех сторон выпрашивают ее для изучения, где всех цветов и гегелианские профессоры; но, по правде сказать, не хочется давать, пусть бы сами ходили, записывали и трудились».

Из воспоминаний литератора и переводчика на немецкий язык произведений русских авторов Ф. Боденштедта узнаем, что Катков не только слушал лекции Ф.В.Й. Шеллинга в университете, но и бывал у него дома, «где был принят весьма радушно и часто посещал его. ...немецким языком разговорным и письменным Катков владел... в совершенстве» [1, с. 62]. Катков слушал позднего Шеллинга в зимний семестр 1841–1842 гг., Шеллинга времени «Философии откровения» и «Введения в философию мифологии» (Шеллинг читал названные курсы в Берлинском университете в 1841–1846 гг.). В данном случае уточнение «поздний Шеллинг» является содержательно значимым. В этой связи напомним принципиальное возражение Ф.И. Тютчева Шеллингу начала 1830-х годов: «Вы пытаетесь совершить невоз-

можное дело. Философия, которая отвергает сверхъестественное и стремится доказывать все при помощи разума, неизбежно придет к материализму, а затем погрязнет в атеизме. ... Сверхъестественное лежит в глубине всего наиболее естественного в человеке. У него свои корни в человеческом сознании, которые гораздо сильнее того, что называют разумом» [9, с. 37]. Каткова увлекла в Шеллинге, по свидетельству Т.П. Пассек, «мистическая сторона этого учения» [2, с. 294].

«Философия откровения» (иначе – «положительная философия»), написанная не без воздействия трудов Б.Ф.К. Баадера (1765–1841), явилась итогом размышлений Шеллинга, с одной стороны, над утверждением Гегеля, что Бог есть *понятие*, а с другой – над индифферентным признанием Якоби (1743–1819) *идеи* Бога. У самого Шеллинга, как отмечает современный исследователь, «предметом знания становится вся религиозная жизнь человечества в том виде, в каком она уже явлена нам Божественным волением: сначала мифология, в которой Божественная интенция содержится в непросветленном виде, но не утрачивает своей значимости, а затем собственно христианское Откровение, которое, как и мифология, требует и философского осмысления» [20, с. 418–419].

Шеллинговская идея мифологии раскрывается через ее становление, через историю, но история эта укреплена не только в человеческом сознании, а через него – в Боге: «Субъективно, или по своему возникновению, мифология – это *теогонический процесс*. Мифология – это 1) процесс вообще, процесс, какой совершает сознание, – совершает так, что оно, будучи вынужденным останавливаться на отдельных моментах и во всем последующем удерживая предшествующее, *переживает* таким образом движение в буквальном смысле слова. Мифология – это 2) *действительно* теогонический процесс, т.е. такой, который происходит из сущностного отношения человеческого сознания к Богу, из отношения, в котором сознание по своей субстанции, в силу которого сознание вообще по своей природе (*natura sua*) есть полагающее Бога сознание. Поскольку же изначальное отношение таково по природе, сознание не может выступить из него так, чтобы не быть возвращенным в него *посредством процесса*. При этом сознание неизбежно (прошу хорошо заметить себе это) является как вновь полагающее Бога лишь *опосредованно* – именно в процессе, т.е. сознание неизбежно является именно как порождающее Бога, соответственно теогоническое сознание» [19, с. 327]. Как замечает А.В. Михайлов, «самоё сознание как момент бытия имеет свою историю, а бытие имеет свою историю в сознании через него: человеческие представления о Боге тоже, естественно, складывается в свою историю, и тут Шеллинг доказывает, как первоначальный монотеизм (а иным не могло быть, согласно его взглядам, первоначальное сознание о Боге) должен разложиться на разные политеистические, собственно мифологические системы» [19, с. 580].

Понятно, что Шеллинг – дитя европейского антропоцентризма, потому у него сознание полагает Бога, а не наоборот. Но в данном случае не это важно. Другое не могло не захватить Каткова: самая мысль, что человек просвещенный полагает Бога! Для него, человека, поехавшего в Германию из «кружка Станкевича», где собрались люди «передовых взглядов» и Катков – один из них, подобное утверждение представилось бы абсолютно диким. Подчас смысл «передовых взглядов» в России сводился к простой формуле: «Бога нет, а царя не надо» (Н.П. Мещерский). Иное слышал Катков здесь, в центре просвещенной Европы: профессор, читая лекции с кафедры, занимается герменевтикой библейских текстов и доказывает, что греческая мифология есть результат изначального существующего монотеизма [3, с. 380]. И Катков признается, что у него (добавлю: подобно Пушкинскому *Пророку*) открылись глаза. Он не отказывается от своей давней любви к Гегелю, но знакомые триады наполняются конкретным содержанием, и в центре всего – Бог.

Именно здесь, в Берлинском университете, Катков открывает для себя, что мир един и целостен, что мир пребывает в процессе развития (замечу, не прогресса), что процесс этот

схватывается человеческим разумом «в известных фазах его развития», в тех системах, в которых «он высказался» [5, с. 2; совр. переизд. см.: 7]. Понять же смысл этого развития можно только через филологию и философию, через любовь к слову и мудрости, открывающую разумные начала бытия. Потому он усиленно занимается древнегреческим языком и греческой философией. Как заметил В.В. Роза-нов, «вся греческая философия выросла и развивалась в глубоко религиозное время: Ксенофан, Эмпедокл, Парменид, Анаксагор, Сократ и ученики его – все они жили в эпоху, чуждую распушенности религиозного чувства, и потому-то именно во всей жизни и в каждом слове их чувствуется такая удивительная любознательность, и любовь их к трудно доставшейся истине была так велика, что некоторые из них ради нее решались оставить отечество, а другие приняли смерть» [13, с. 142].

В конце 1842 г. Катков возвращается в Россию. И, видимо, пока не зная, как применить полученные знания, решает устроиться в Петербурге на государственную службу, чтобы иметь средства для существования. Решительную роль в его научной судьбе сыграла встреча с графом С.Г. Строгановым, который был попечителем Московского учебного округа [12]. Строганов помнил Каткова еще со времен его студенчества. Именно тогда граф Сергей Григорьевич Строганов обратил внимание на талантливого юношу и тогда же посоветовал ему выбрать ученую стезю [2, с. 294]. Видимо, встретившись с Катковым вновь, граф вспомнил свои давние впечатления. В результате по совету графа Строганова Катков уезжает в Москву, где вплотную занимается написанием магистерской диссертации на тему «Об элементах и формах славяно-русского языка». В 1845 г. диссертация объемом в 255 страниц будет напечатана в Москве и 9 июня этого же года успешно защищена. Как записал в своем дневнике М.П. Погодин, на защите (или, как тогда говорили, «диспуте») «спорило человек десять – и прекрасно, и учено и дельно. И Гриммы, и Боппы, и Бюрнуфы – все прочтены, изучены, оценены! Вопрос осмотрен со всех сторон» [цит. по изд.: 15, с. 172].

Диссертация включала две части: в первой – объяснялось происхождение звуков, исследовалась функция ударений; во второй – внимание автора было сосредоточено на грамматических функциях падежей и глагольных форм. Катков избрал для исследования историко-культурный аспект, привлекая значительное число древних памятников (прежде всего, древнерусских), но при этом он стремился найти аналоги или источники тех грамматических форм, что сложились в русском языке, поэтому привлекал сведения из самых разных древних и современных языков. В результате возникала единая картина языкового мира, где все было взаимосвязано, поддержано и представлено в богатейшем разнообразии формального выражения. В диссертации Катков приводит множество самых различных фактов, которые собраны автором, но в малой степени осмыслены, что и послужило причиной появления критических откликов А. Студитского, А. Галахова, П. Плетнева в печати [см. изд., кот. приводятся в: 15, с. 171]. Правда, магистерская диссертация и не требовала от автора каких-либо открытий: написание магистерской диссертации должно было свидетельствовать, что ее автор имеет познания в определенной области, которые позволяют ему занять должность приват-доцента на соответствующей кафедре университета. Приведенное свидетельство Погодина, присутствовавшего на защите Катковым магистерской диссертации, не позволяет усомниться в том, что ее автор в полной мере владел как историей вопроса, так и источниками. Здесь проявилась черта личности Каткова, которая сформировалась в результате научной деятельности и которая сослужит ему добрую службу в журналистской работе, – исследование проблемы во множестве аспектов, их сумма позволяла прийти к обоснованным, а потому убедительным выводам.

Однако получить должность на кафедре русской литературы Московского университета Каткову не удалось: там уже работали два профессора – С.П. Шевырев и И.И. Давыдов. В конце концов был найден выход, и 27 июля 1845 г. Катков получил в Московском университете место адъюнкта (помощника профессора) по философии, которую вместе с

логикой и психологией начал читать на словесном отделении. Собственно, получение этого места и потребовало написания диссертации, содержание которой соответствовало бы профилю читаемых по кафедре дисциплин (*pro venia legendi*). При условии защиты диссертации могли бы последовать звания сначала экстраординарного, затем ординарного профессора. И Катков начал усиленно заниматься философией досократиков. Конечно, в выборе темы сказалось влияние лекций Шеллинга, где мифология и рождение философии тесно переплетались. Греческая философия открывалась Каткову через язык, на котором писали и говорили досократики. В результате определилась тема докторской диссертации – «Очерки древнейшего периода греческой философии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.